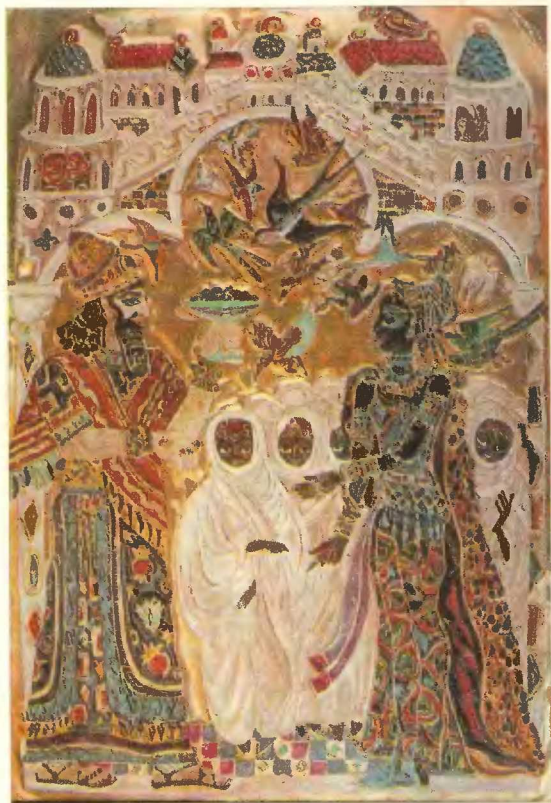

КУВШИН С МЕДОМ

ЕВРЕЙСКИЕ ЛЕГЕНДЫ И СКАЗКИ

КУВШИН с МЕДОМ

ЕВРЕЙСКИЕ ЛЕГЕНДЫ И СКАЗКИ

Пересказала для детей

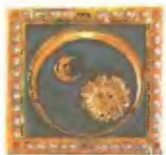
Ора ШИР

Художник

Ирена БАТ-ЦВИ

<http://ldn-knigi.lib.ru> (ldn-knigi.narod.ru) Leon Dotan 04.2009

Издательство
«Советский писатель»
1991

СОДЕРЖАНИЕ

Ливьятан и лис	5
Яйцо и фасоль	15
Загадки царицы Савской	17
Царь Соломон и пчела	24
Три лепешки	29
Соломон и Асмодей	36
Кувшин с медом	55
Голем	61
Два лавочника	78
Яков и рыбац	85

а семь дней Бог сотворил мир. Вначале он сотворил свет и отделил день от ночи. Затем он создал небеса, землю и воду и произрастил из земли растения. В четвертый день творения он создал Солнце и Луну и зажег на небе звезды. В пятый день Бог сотворил первые живые существа: пресмыкающихся на суше, птиц в небе и рыб в море. А в шестой день населил землю всякой скотиной и всяким зверьем. И в тот же день создал змей. Это все записано в Библии, и каждый об этом знает. Но не все знают, что Бог создал также два чудовища — в пятый день поселил он в море громадного страшного Ливьятана, а в шестой день пустил гулять по суше огромного ужасного Бегемота.

Ливьятан стал царем морей и океанов. Он был похож на длинную-предлинную и толстую-претолстую змею, все тело его было покрыто чешуей, а по бокам торчали острые, как нож, плавники. Пасть его была усеяна острыми, как иглы, зубами, а на голове красовалась царская золотая корона. Все существа, обитавшие в морях и океанах,

боялись Ливьятана и спешили исполнить любое его желание. Даже сама вода покорила его воле. Бог знал, что если это страшилище вздумает выползти на сушу, воды по его приказу зальют и погубят все растения на земле и все живые существа. Чтобы этого не случилось, Бог решил ограничить власть Ливьятана пределами океана и приковал его невидимой цепью ко дну морскому.

Ливьятан славился не только своей силой, но и мудростью. Он знал семьдесят языков и еще много всего такого, чего кроме него не знал никто. И хотя из-за сковывавшей его цепи он не мог выбраться на берег, тем не менее он жаждал быть хитрее и умнее любого существа на свете.

И вот однажды он прослышал, что по суше гуляет некое создание на четырех лапах по прозванию Лис, известное своей хитростью и ловкостью. "Я должен съесть Лиса, — решил Ливьятан. — Когда я съем его, его мудрость и хитрость достанутся мне". Тут же он призвал трех больших рыб и велел им отправляться на поиски Лиса.

— Не возвращайтесь до тех пор, — сказал Ливьятан, — покуда не разыщете Лиса и не доставите его ко мне в мое царство!

Рыбы отправились исполнять волю своего господина. Они подплыли к самому берегу и стали дожидаться появления Лиса.

У Лиса этот день был не особенно удачным. Всю ночь до самого рассвета он бегал по лесу в поисках добычи, но так и не сумел никого поймать. Солнце уже взошло, и пора было прятаться в нору, но Лису очень не хотелось отправляться спать на пустой желудок. "Подойду-ка я к берегу, — подумал голодный Лис. — Вдруг волны выбросили ночью на песок какую-нибудь рыбешку? Будет мне пожива". Приблизившись к берегу, Лис вдруг услышал странный голос.

— Эй ты, четырехлапый! — сказал голос. — Мы хотим видеть Лиса, который считается самым мудрым созданием

из всех обитающих на суше. Не подсказешь ли, как его разыскать?

Лису эти слова, разумеется, польстили. Он принялся оглядываться по сторонам, желая узнать, кому они принадлежат. Он посмотрел направо и налево и даже повертелся на месте, но никого не увидел.

— Мы здесь, в воде, — сказал голос. — Мы рыбы, посланцы великого и грозного царя морей и океанов Ливьятана. Наш царь жаждет видеть Лиса.

Лис глянул на воду и увидел, что из нее действительно высовываются три рыбьих морды.

— Я и есть тот самый Лис, которого вы разыскиваете, — сказал довольный Лис. — А зачем, позвольте узнать, я понадобился вашему царю?

— Ты уверен, что ты Лис? — спросили рыбы.

— Абсолютно уверен, — ответил Лис.

— Тогда слушай. Наш царь, Ливьятан, правит семьюдесятью морями и семью океанами. Ему принадлежат все сокровища, скрытые в воде и на дне морском. Все рыбы и все осьминоги — его верные и покорные слуги. Никто из вас, обитающих на суше, не может даже представить себе той роскоши, которой окружен наш повелитель. Он живет в изумрудном дворце, трон его сделан из чистого золота и украшен драгоценными камнями. У него столько жемчуга, что хватило бы на всех земных царей, сколько их есть их на свете. Он питается самой изысканной пищей, одевается в самые пышные одежды и спит на самой мягкой постели. Но помимо того, что наш царь богат, он еще и мудр. У него имеется семьсот книг, написанных тайными письменами, и он все их прочел. Но вся беда в том, что Ливьятан уже стар и вскоре умрет. И никто из обитателей моря не кажется ему достойным царского трона. Недавно он услышал, что на земле проживает мудрый Лис. Он приказал нам разыскать Лиса и как можно скорее доставить к нему в его царский дворец. "Я сделаю его своим наследником", — сказал Ливьятан. Так что, если соизволишь теперь отправиться с нами, станешь вскоре

нашим царем и повелителем. Будешь есть самые изысканные кушанья и читать самые мудрые книги.

”Что ж, — подумал Лис. — Отказываться, пожалуй, не стоит. Здесь, на суше, никто меня не ценит и не собирается делать царем. Я сам вынужден бегать по лесам и по горам, добывая себе пропитание, и при этом должен еще опасаться и льва, и тигра, и медведя. На земле уважается одна только сила, а не ум и смекалка. Вот сейчас у меня в животе так пусто, что я не в состоянии думать ни о чем, кроме какой-нибудь мышки, спрятавшейся среди камней. И это участь мудрейшего из зверей! А там, в подводном царстве, я буду окружен почетом и вниманием. Каждый час мне будут подносить еду на золотом подносе. Сотни слуг будут исполнять любое мое желание. Можно ли тут колебаться и раздумывать?”

— Я согласен, — сказал Лис. — Только я не возьму в толк, как же я доберусь до дворца Ливьятана? Я ведь совершенно не умею плавать.

— О, об этом не беспокойся! — воскликнули рыбы. — Ты сядешь на спину самой крупной из нас, и мы мигом доставим тебя во дворец.

И Лис действительно уселся на спину самой большой рыбы и пустился в плаванье. Вначале ему даже понравилось нестись по волнам, но по прошествии некоторого времени, когда берега окончательно скрылись из виду, он приуныл. Вся шкурка его насквозь промокла, он продрог и заоченел и с трудом удерживался на спине рыбы.

”Правильно ли я поступил, согласившись сделаться морским владыкой? — подумал он в тревоге. — Для меня ли все эти жемчуга и кораллы, для меня ли подводные чертоги? Ведь я люблю теплую землю, зеленую травку, цветущие деревья. Неужели никогда больше мои лапы не ступят на твердую почву, неужели никогда больше я не увижу, как цветы тянут свои головки навстречу солнышку? Узнав о моем решении, все звери удивятся и скажут: ”Бедный глупый Лис! Он променял свою уютную норку на

мрак и холод подводного царства! Его нос никогда больше не вдыхает запахов леса, его уши никогда больше не услышат пения птиц". От этих печальных мыслей несчастный Лис едва не расплакался. Он оглянулся по сторонам, но не увидел ничего, кроме воды и волн. "Я должен вернуться на берег! Немедленно должен вернуться на берег!"

— Скажите мне, рыбы, — обратился он к тем, кто своими сладкими уговорами заставили его принять столь необдуманное решение и заманили в воду, — скажите, Ливьятан действительно намерен сделать меня морским царем? Теперь, когда я всецело в вашей власти и мне некуда бежать, вы можете открыть мне всю правду. Он в самом деле хочет передать мне свой трон?

— О несчастный глупый Лис! — воскликнула самая большая рыба. — Как ты мог быть таким наивным и доверчивым? С какой стати наш царь уступит свой трон существу на четырех лапах? Разве ты способен управлять теми, кто покрыт чешуей и передвигается с помощью плавников? Ливьятан хочет проглотить тебя, чтобы таким образом овладеть твоей мудростью. За этим ты ему и понадобился!

— Можно ли придумать что-либо более ислепое, чем Лис, восседающий на троне Ливьятана! — прибавила другая рыба и рассмеялась.

"Оказывается, дела обстоят хуже, чем я предполагал, — подумал Лис в тоске и страхе. — Я должен спасти свою шкуру! Необходимо как-то перехитрить их".

— Дорогие рыбы! — произнес он вслух. — Это большая честь для меня — быть съеденным морским царем. Но почему же вы сразу не открыли мне его планы? Если бы я знал, что его интересует моя мудрость, я захватил бы с собой свое сердце. Ведь моя мудрость сосредоточена в сердце. Поверьте, без сердца я самый настоящий дурак и не представляю для Ливьятана ни малейшего интереса.

— Как? — удивились рыбы. — Твое сердце не при тебе? Как это может быть?

— Очень просто, — ответил Лис, — таков обычай всех земных зверей. Отправляясь на охоту, мы прячем свое сердце в надежном месте. Ведь охота может оказаться опасной, а кому же хочется рисковать своим сердцем?

— Похоже, что он говорит правду, — сказала самая крупная рыба. — Потому-то и нам и удалось так легко провести его — будь его сердце при нем, он ни за что не согласился бы добровольно отправиться в царство Ливьятана. Но что же нам делать? Как мы явимся к царю с Лисом, лишенным всякой мудрости?

— Не знаю, захотите ли вы послушаться моего совета, — произнес Лис вкрадчиво, — но я предлагаю вернуться к берегу. Я возьму свое сердце, и мы тотчас снова отправимся в путь. Согласитесь, будет очень неприятно, если Ливьятан обнаружит, что вы пытались подсунуть ему совсем не то, что ему нужно.

— Придется принять твой совет, — сказала самая крупная рыба. — Мы просто не посмеем явиться к нашему повелителю с таким никчемным Лисом — без сердца и без мудрости.

И рыбы не долго думая повернули обратно. Лис держался из последних сил за плавники той рыбины, на которой он восседал, и с нетерпением вглядывался в горизонт. Когда же наконец вдали показалась земля, он едва не свалился в воду от радости. Рыбы подплыли к берегу и остановились.

— Беги, бери свое сердце, да побыстрей возвращайся, — сказала самая большая рыба.

— Бегу, бегу! — закричал Лис и прыгнул на берег.

Тут он принялся скакать, кувыркаться и распевать во все горло от счастья.

— Что с тобой? — удивились рыбы. — Поторопись, не стоит утомлять Ливьятана ожиданием.

— О глупые, глупые рыбы! — воскликнул Лис. — Неужели вы думаете, что я соглашусь еще раз зайти в воду? Никогда ни за какие сокровища!

И он повалился на песок и стал кататься по нему, обсушивая свою шкурку.

— Неужели вы поверили, что я расстаюсь со своим сердцем, отправляясь на охоту? — закричал он рыбам. — Мое сердце всегда при мне! И я надеюсь, что мой разум никогда больше не подведет меня. Подумать только: Лис — повелитель морей! Что за безумие!

Рыбы поняли наконец, что им нечего больше дожидаться, и вернулись в подводное царство. Выслушав их рассказ, Ливьятан едва не задохнулся от ярости:

— Как?! Вы уже заманили его в воду и потом неизвестно зачем отпустили?

Поскольку рыбы не нашлись, что на это ответить, Ливьятан проглотил всех троих незадачливых посланцев. Не ради их мудрости, а в назидание остальным своим подданным. Но так как и после этого гнев его не утих, он поднял на море бурю и потопил пятьдесят кораблей.

А Лис с тех пор никогда не подходил к морскому берегу — даже если был очень голоден.

ЯЙЦО И ФАСОЛЬ

оворят, эта история нача-

лась в те далекие времена, когда Давид, отец Соломона, не стал еще царем Израиля и даже не победил еще Голяафа.

Шли однажды два человека из своего селения, что в пределах колена Дан, в город Бет-Лехем. Устали они в дороге и съели все, что у них было. У одного осталось лишь два вареных яйца, а у другого вовсе ничего не осталось.

— Дай мне одно яйцо из тех двух, что у тебя есть, — попросил один другого.

— Ну что ж, держи. Только обещаю, что вернешь мне одолженное со всей прибылью, какую оно могло бы принести.

”Какую такую прибыль может принести одно яйцо?” — подумал бедняга и тотчас дал обещание.

Сели оба в тени под деревом, что росло у дороги, подкрепялись яйцами, а потом встали и пошли дальше. И благополучно прибыли в Бет-Лехем. И ни один не вспомнил про одолженное яйцо.

Прошло много лет. Давид стал царем, отстроил город

Иерусалим и восседал на царском престоле, окруженный почетом и роскошью.

И вот явились однажды в царский дворец два старика и попросили, чтобы царь рассудил их.

— Видишь ли ты этого человека, царь? — сказал один. — Много лет назад шли мы с ним из пределов колена Дан в город Бет-Лехем. Дорогой взял он у меня яйцо и пообещал, что вернет одолженное со всей прибылью, какую оно может принести.

— Я не отказываюсь вернуть яйцо, — сказал второй. — Но о какой прибыли он толкует?

— Из одного яйца может вывестись одна курочка, — продолжал первый. — Одна курочка может снести сорок яиц. Из сорока яиц могут вывестись сорок курочек. Сорок курочек могут снести по сорок яиц каждая. Из каждого яйца может вывестись курочка...

— Хватит, хватит! — прервал его царь. — Говори толком, чего ты хочешь, да покороче.

— Хочу, чтобы он возместил мне убыток. Рассуди, царь, разве все мои куры и яйца не стоят сорока золотых монет?

— Стоят! — сказал царь и присудил, чтобы ответчик вернул земляку яйцо и сорок золотых монет впридачу.

А слово царя — закон.

Вышли оба из царского дворца, один, веселый и довольный, пошел к себе домой, а другой сел у ворот дворца и заплакал.

В это время у ворот играл Соломон, сын Давида, еще не царь, а маленький мальчик. Увидел Соломон, что какой-то старик сидит и плачет, подошел к нему и спросил:

— Отчего ты плачешь? Какая беда с тобой приключилась?

Рассказал ему старик про съеденное яйцо и про царское решение и добавлял:

— Даже если я продам все свое имущество, не набрать мне сорока золотых монет...

— Не плачь, вставай, — сказал Соломон. — Завтра

утром приходи под стены города с миской вареной фасоли и сделай вид, будто сеешь. А когда стражники спросят тебя, что ты делаешь, отвечай: сею вареную фасоль.

Старик так и сделал. Услышали стражники, что он сеет вареную фасоль, и принялись хохотать. А старик и на следующий день пришел сеять. И на третий тоже. И скоро весь Иерусалим знал, что какой-то чудака сеет вареную фасоль под городской стеной. И дошел слух об этом до самого царя.

— Приведите его ко мне! — сказал царь.

Привели старика к царю.

— Что ты делаешь, безумец? — спросил Давид. — Зачем ты сеешь вареную фасоль?

— Из каждой фасолины у меня вырастут сорок новых фасолин. Когда они созреют, я соберу их и посею снова. И из каждой посеянной фасолины снова вырастут сорок фасолин...

— Глупец! — сказал Давид. — Из вареной фасоли ничего не может вырасти.

— Если из вареного яйца может вылупиться цыпленок, то и от вареной фасоли можно получить урожай! — возразил старик.

Вспомнил царь свое решение и смутился. Велел привести к нему того, кому присудил он сорок золотых монет.

— О какой прибыли ты говорил? — спросил царь грозно. — Ведь из вареного яйца не может вывести цыпленок!

— Царь! — ответил тот спокойно. — Я не скрыл от тебя, что яйцо было вареное, но все-таки ты присудил мне сорок золотых монет. А разве слово царя не закон?

— Слово царя — закон! — ответил Давид. — И ты получишь с этого человека сорок золотых монет тогда, когда он соберет урожай с той фасоли, которую теперь посеял!

ЗАГАДКИ ЦАРИЦЫ САВСКОЙ

остарился Давид, царь Израильский, и умер. Стал вместо него царем его сын Соломон. Соблюдал Соломон законы Торы и старался править мудро и справедливо, но увидел, что нелегко подчас отличить правду от лжи и узнать, кто свидетельствует истинно, а кто лукавит и притворяется. Всякий раз, когда нужно было вынести приговор, делался Соломон задумчив и мрачен — страшило ему было ошибиться и обвинить невинного, страшило было признать обманщика правым. Всякий раз он думал: "Боже! Помоги мне иайти верное решение, помоги открыть правду!"

И вот однажды, когда царь со своими придворными, объезжая страну, остановился на ночь в Гивоне, явился ему во сне Бог и сказал: "Проси у меня, Соломон, чего пожелаешь". "Даруй рабу твоему сердце разумное, — отвечал Соломон, — чтобы мог я судить народ справедливо и знал, где добро, а где зло". Понравилось Богу, что Соломон просит у него не долгой жизни, не богатства, не побед над врагами, а только мудрости, чтобы судить народ справедливо. И дал Бог Соломону сердце мудрое и

разумное, а сверх того дал и богатство, и славу. Не было на всей земле и не будет уже человека, который сравнится бы мудростью с Соломоном. Сделались ему понятны людские помыслы и их деяния, повадки животных и их язык. Полюбил он беседовать с рыбами морскими, с птицами небесными и зверями полевыми. В каждой беседе и в каждом рассказе черпал Соломон новую мудрость.

И вот вздумалось ему однажды вызвать к себе на совет всех птиц. Чтобы рассказали, что творится в поднебесье и что нового можно увидеть на земле. Собрались по зову царя все птицы — и орел, и коршун, и ястреб, и цапля, и воробей, и чайка, и утка, и жаворонок. Одна только ласточка не явилась. Обиделся царь и разгневался.

— Все, — сказал, — моего приказа послушались, и большие птахи, и малые, только ласточка не послушалась. Разве для нее моя царская воля не закон?

Не успел договорить, видит, летит ласточка.

— Не гневайся, — говорит, — великий царь. Видишь, я явилась, хоть и с опозданием. А опоздала я потому, что далеко летала. Хотела я найти такую землю, в которой о тебе не слыхивали.

— Ну и как, нашла? — спросил Соломон.

— Нашла я город, в котором все дома из чистого золота, а все крыши — из серебра. Растут там деревья с изумрудными листьями, а корни этих деревьев питаются той водой, что вытекает из райского сада.

— Как же зовется этот чудный город? — спросил Соломон.

— Называется он Китор, а находится в земле Савской. Правит этой землей женщина такой красоты, что подобной ей не сыскать во всем свете.

— И ты хочешь сказать, что в городе Киторе и во всей земле Савской никогда обо мне не слыхивали?

— Не гневайся, великий царь, — не слыхивали. Ни сама царица, ни ее подданные не знают даже твоего имени. Но если пожелаешь, я отправлюсь туда снова и отнесу царице

письмо от тебя. Пригласи ее к себе в Израиль, пусть придет и убедится, что твое богатство не меньше ее.

Тут же призвал Соломон писца и велел составить письмо. Как только письмо было закончено и запечатано царской печатью, Соломон вручил его ласточке и приказал как можно скорее передать царице Савской. А чтобы по дороге не случилось с посланницей какой беды, велел он другим птицам лететь за ней следом, поддерживать в пути и оберегать от опасностей.

Не прошло и трех дней, как царица Савская держала в руках письмо царя Соломона.

“Я, Соломон, царь Израиля, — было написано в письме, — приглашаю тебя, царица, посетить мою землю и взглянуть на мои владения. Обещаю, что встречу тебя с великими почестями и исполню любое твое желание. Прошу тебя не медля собираться в дорогу и известить о своем прибытии. Весьма надеюсь, что ты не откажешься взглянуть на святой город Иерусалим. Но если откажешься, пойду на тебя войной и двину мои войска на твою землю. Я, с Божьей помощью, правлю народом многочисленным и сильным. И не только люди, но и звери лесные, и рыбы морские, и птицы небесные признают мою власть над собой. А потому, если не примешь моего приглашения, нашлю на тебе воронов и ястребов, чтобы докучали тебе, и клевали тебя, и не давали покою; нашлю сов и филинов, чтобы залетали по ночам в твою опочивальню и пугали тебя своим уханьем.

Жду твоего прибытия с нетерпением, Соломон, царь Израильский”.

Прочитала царица письмо и призадумалась. Велела созвать всех своих советников и спросила, что они думают об этом — как ей надлежит поступить и что надлежит сделать.

— Ничего не делать и никак не поступать, — постановили советники. — Оставь это дерзкое письмо без ответа и сделай вид, что вообще никогда его не получила.

Поблагодарила царица советников за их мудрый совет и велела своим придворным собираться в дорогу. "Ведь если он так могущественен, что даже птицы небесные покорились его воле, — рассудила царица, — то с какой стати стану я обижать его отказом? Не лучше ли мне иметь в его лице друга, а не врага?"

Шесть кораблей нагрузили по приказу царицы золотом и серебром, драгоценными камнями и благовониями, дорогими тканями и редкой древесиной. А на седьмой, самый большой корабль вошла сама царица, со всей своей свитой, и слугами, и советниками, и придворными. Шестьдесят девочек и мальчиков одинакового роста и возраста было в свите царицы, и никто не мог понять, зачем понадобилось везти за море столько детей. Но такова была царицына воля, и никто не стал ей перечить.

Не прошло и трех недель, как царица Савская ступила на землю Израиля. Царь Соломон встретил ее с великими почестями и старался исполнить любое ее желание.

— Слова ласточки справедливы, — сказал Соломон своим советникам, — не видел я женщины прекраснее царицы Савской. Одно меня беспокоит: обратили ли вы внимание, что она никогда не обнажает ног? Даже подымаясь по лестнице, не придерживает она края платья, как это делают другие женщины. И, садясь в паланкин, первым делом задергивает полог. Что бы это могло значить?

— Это свидетельствует о том, что царица Савская вовсе никакая не женщина, — сказали советники. — Хотя мать ее была женщина, но отец ее — демон. И хотя лицо ее прекрасно, но ноги ее — козлиные. Заставь ее приподнять край платья, и ты убедишься в справедливости наших слов.

Стал Соломон думать, как заставить царицу Савскую приподнять край платья. Подумал-подумал и велел выложить пол в одном из залов своего дворца голубым хрусталем. А когда работа была закончена, пригласил царицу зайти. Ступила царица на хрустальный пол, и

показалось ей, что она ступила в воду. Подхватила она обеими руками край своего платья и обнажила свои ноги. Увидел Соломон ее ноги и рассмеялся:

— Самые обыкновенные ноги! — воскликнул царь. —
Вовсе не козлиные! Только немного волосатые.

Вспыхнула царица Савская и поклялась отомстить Соломону за его выходку.

— Я вижу, — сказала царица, — ты любишь разглядывать то, что скрыто от глаз. В таком случае, я полагаю, ты не откажешься разгадать мои загадки. В них мудрость, скрытая от простаков.

— С удовольствием выслушаю твои загадки, — ответил Соломон, — и надеюсь, что с Божьей помощью разгадаю их.

— Вот первая загадка, — сказала царица. — Растет в поле, птицам на радость, рыбам на погибель. Богатому доставляет почести, бедному — позор. Покойнику служит украшением, живому — устрашением.

— Это лен! — тотчас отвечал Соломон. — Растет в поле, птицы себе на радость клюют его зерна, рыбы себе на погибель попадают в сплетенные из него сети. Богатому льняные одежды прибавляют почестей, а бедному от льняных лохмотьев один позор. Покойника льняной саван украшает, а живого льняная петля устрашает.

— Эту загадку ты разгадал верно, — сказала царица. —
Послушай другую: какая влага не падает с неба, не стекает с гор, бывает сладка, как мед, и горька, как полынь?

— Слезы! — отвечал царь. — Слезы не падают с неба и не стекают с гор. Бывают слаще меда, когда люди плачут от радости, и горше полыни, когда плачут от горя.

— Верно, — сказала царица. — Слушай дальше: какие подарки получила я от своей матери? Один родился в воде, другой — в земле.

— Не ошибусь, если скажу, что твоя мать подарила тебе вот это жемчужное ожерелье и вот этот золотой перстень. Жемчуг рождается в воде, а золото — в земле.

— Верно, — сказала царица. — Слушай дальше: не

движется, пока живо, но путешествует после смерти.

— Знаю! — ответил Соломон. — Это то, без чего ты не добралась бы до моих владений. Корабль не движется, пока стоит в лесу живыми деревьями, но после их смерти плавает по морям-океанам.

— И эту загадку ты разгадал верно, — сказала царица. — Послушай следующую: кого кладут в землю прежде смерти?

— Зерно! — отвечал Соломон.

— Кто не рождается и не умирает?

— Господь Бог, да будет благословенно Его Имя.

— Что делать, — вздохнула царица, — все мои загадки ты разгадал. Осталась одна последняя. Посмотрим, как ты справишься с этой.

Позвала она детей, которых привезла с собой из земли Савской. Вошли в зал шестьдесят детей, все одинакового роста, все одеты в одинаковые платья.

— Половина из них — мальчики, половина — девочки, — сказала царица. — Можешь ли ты указать, где мальчики, а где девочки?

— Нет ничего проще! — ответил Соломон.

Велел он принести мешок орехов и разбросать на полу перед детьми. Тотчас задрали мальчишки свои платья и стали набивать орехами карманы штанов. А девочки принялись собирать орехи в подол.

— Вот мальчики, а вот девочки! — засмеялся царь.

Увидела царица, что нет такой загадки, которую Соломон не мог бы разгадать.

— Ради твоей мудрости прощаю я тебе твою дерзость, — сказала и отдала царю Израильскому все, что привезла с собой на кораблях: и золото, и серебро, и драгоценные камни, и заморские ткани, и редкую древесину, и благовония.

И Соломон в свою очередь одарил ее многими подарками. Ни один из его гостей не был принят с таким почетом и ни один не гостил в Израиле так долго.

ЦАРЬ СОЛОМОН И ПЧЕЛА

днажды в полуденный час отдыхал царь Соломон в своем прекрасном саду. Двое телохранителей стояли возле спящего повелителя — один справа, другой слева — и обмахивали его опахалами.

В это же самое время летала по прекрасному царскому саду маленькая пчелка и собирала нектар с цветов. Не заметила пчелка опахал и уселась отдохнуть царю на нос. Почувствовал Соломон, что кто-то щекочет ему нос, взмахнул во сне рукой и едва не прихлопнул пчелу. Испугалась пчела и со страху ужалила царя в нос. Мудрого Соломона, великого повелителя — и прямо в нос! Чего только не случается на свете...

Вскочил Соломон — как вскакнвает всякий ужаленный человек — и глянул на своих телохранителей — как может глянуть только грозный владыка: так-то вы меня охраняете?!

Кинулись телохранители ловить пчелку, да не поймали. Хлопали-хлопали опахалами — один справа, другой слева — и все без толку!

А нос Соломона между тем раздулся и покраснел, как

спелый гранат. И можно было только догадываться, как он горел и болел.

Наполнилось сердце царя гневом. Призвал он своих министров и сановников и приказал:

— Истребить всех пчел в пределах моего царства! Не надо мне ни их меда, ни их жала!

Услышали пчелы страшные слова царя и зажужжали в ужасе:

— Чего же ждать? Чего же ждать? Беж-жать, беж-жать...

— Подождите, — сказала малеиькая пчелка, — я одна во всем виновата, я и предстану пред очи великого царя.

И предстала.

— О великий и мудрый Соломон! — сказала пчелка. — Я слышала, ты повелел истребить весь наш пчелиный род. Но это несправедливо. Я одна во всем виновата, меня одну и вели казнить. Но если прежде, чем произнести свой царский приговор, ты изволишь меня выслушать, я скажу, что вовсе не по злему умыслу ужалила тебя в нос. Нос твой был прекрасен, как роза, и душист, как спелое яблоко. Потому я и рсшила немного отдохнуть на нем. Все, что случилось потом, — досадное недоразуменне. Поверь, я не хотела причинить тебе никакого вреда.

Я вижу, ты мастерица говорить, — усмехнулся Соломон. — Слова твои не менее сладки, чем твой мед. Но может ли великий и мудрый парь полагаться на речи льстеца?

— Прости, царь, если я снова согрешила перед тобой, — вздохнула пчелка. — Но если ты действительно так мудр, как о тебе говорят, ты должен знать, что и самое крохотное существо, вроде меня, может причинить великий вред...

— О, это я знаю! — воскликнул Соломон и пощупал свой распухший нос.

— Но порой также может и выручить из беды... И даже такого великого и мудрого царя, как ты.

Не удержался Соломон и рассмеялся.

— Это ты-то, пчела, можешь выручить меня из беды?..

Расхохотался царь, и весь его гнев пропал. Да и пристало

ли великому владыке гневаться на малую пчелку?

— Так и быть, — сказал он пчеле, — лети себе с миром и больше не попадайся мне на глаза.

Обрадовалась пчела и полетела поскорее сообщить всем своим сестрам, что Соломон смилостивился над ними.

Много ли, мало ли времени прошло, но нос Соломона зажил и опять стал прекрасным, как роза, и душистым, как спелое яблоко.

И вот однажды прослышал царь, что за морем живет красавица-царица, царица Савская. Очень захотелось Соломону взглянуть на нее и узнать, правда ли так велика ее красота, как рассказывают люди. Послал он в землю Савскую гонцов с дорогими подарками и указал им ни в коем случае не возвращаться обратно без царицы. Пусть приедет к нему в гости — себя показать и на него поглядеть.

Приехала царица приглашение и явилась в Иерусалим со всеми своими придворными, и министрами, и слугами, и служанками, и еще захватила с собой шестьдесят мальчиков и девочек. Встретил ее Соломон с великими почестями и решил, что не лжет молва — нету на свете женщины красивее, чем царица Савская. Показал ей Соломон свой чудесный дворец и прекрасный сад, а потом принялся развлекать ее приятными беседами.

— Слышала я, — сказала царица, — что ни один смертный не может сравниться с тобой мудростью. Любопытно было бы мне самой убедиться в этом. Не согласишься ли разгадать мои загадки?

Согласился Соломон, и принялась царица Савская загадывать ему загадки — одну мудреней другой. Но сколько ни спрашивала, сколько ни хитрила и ни лукавила, на все находил у Соломона ответ, на каждую загадку была у него разгадка. Не осталось наконец у царицы ни загадок, ни вопросов. Тогда позвала она мальчиков и девочек, которых привезла с собой из земли Савской, и

каждому дала в руки по букету цветов.

— Есть среди этих цветов настоящие, а есть искусственные, — сказала царица. — Если сумеешь указать, какие цветы настоящие, а какие искусственные, поверю, что ты, Соломон, и вправду мудрейший из людей.

Принялся Соломон ходить между детей. Приглядывался к цветам и принюхивался, принюхивался и приглядывался, но не мог отличить, какие из них настоящие, а какие искусственные.

И вдруг услышал над ухом жужжание:

— Ж-ж... ж-жу... Я тебе укаж-жу...

Смотрит, вьется над цветами малая пчелка. Покружила, покружила и села на один из букетов.

— Вот настоящие цветы! — воскликнул Соломон.

Удивилась царица, как ему удалось разгадать и эту загадку, но делать нечего — пришлось ей признать Соломона мудрейшим из людей.

ТРИ ЛЕПЕШКИ

одной рыбацкой деревушке недалеко от города Яффы жила бедная женщина. Муж ее вышел однажды на своей лодке в море, да так и не вернулся, а дети один за другим выросли и разлетелись в разные стороны. Не было у них, как видно, времени и возможности навещать старушку-мать и помогать ей. Жила себе женщина одиноко в своей хижине и ради куска хлеба бралась за любую работу, какую могли предложить ей односельчане: чистила и солила рыбу, которую возили в Яффу и в Иерусалим на продажу, чинила рыбацкие сети, помогала смолить лодки, а в холодные зимние дни шила рыбакам одежду. Все это позволяло ей кое-как прокормиться, и никто не помнил, чтобы она жаловалась на судьбу.

Но вот однажды выдалась зима такая долгая и ветреная, что все в деревне приуныли. Все припасы подошли к концу, а море было таким бурным и опасным, что никто из мужчин не решался выйти на ловлю рыбы. Во многих семьях узнали, что такое голод, но хуже всех пришлось бедной женщине. Она и в хорошие-то времена с трудом дотягивала до весны, а теперь у нее и вовсе ничего

не осталось, никакого пропитания, ни муки, ни рыбы, ни фруктов.

Повздыхала она, повздыхала и отправилась к самому богатому в деревне человеку.

— Помоги не умереть с голоду, дай немного мучицы, — попросила женщина. — А я тебе после верну или как-нибудь отработаю. Если только дотяну до теплых дней, не забуду твоей доброты.

— Я бы и дал, — сказал рыбак. — Ты женщина честная и работающая, и мне от души тебя жаль. Но вот беда — у нас у самих, можно сказать, ничего не осталось, а буря, Бог весть, когда уляжется. Если такая погода продлится еще неделю, нам и самим станет нечего есть.

— Ну что ж, — сказала женщина, — я на тебя не обижаюсь. Конечно, что тут поделаешь? У тебя семья — жена, дети, ты о них должен печься. А обо мне Господь позаботится.

Сказала так и хотела уйти, но рыбак остановил ее.

— Иди, — сказал, — в кладовую. Последний мешок муки мы сегодня прикончили, но если помести по углам да по стенам, на лепешку-другую, может, и наберется.

Женщина так и сделала — помела и поскребла по закоулочкам да по щелочкам и набрала несколько горстей мук.

— Ты уж прости, — сказал рыбак, — кроме этого ничего не могу тебе дать.

— Спасибо и на том, — сказала женщина. — Сколько буду жить, не забуду твоей милости.

Вернулась она домой счастливая, растопила огонь под очагом, замесила тесто и испекла три лепешки. Сняла лепешки с противня и только вздумала сесть за стол и произнести молитву над хлебом, как в дверь постучали. Открыла женщина и видит старика, да такого замерзшего и несчастного, что у нее сердце сжалось от жалости.

— Что ты тут делаешь? — спросила женщина. — Куда бредешь в такой холод?

— Иду из Дора в Яффу, — сказал старик. — Был у меня

в Доре хороший дом и всякого добра доставало, да, видно, за грехи мои наслал на меня Господь пожар. Не иначе, как задремал я возле очага и не заметил, как выпала головешка и подожгла циновку, что лежала на полу. Весь дом сгорел до тла, и все имущество мое погубило в огне. Да и сам я чудом остался жив. Вот, бреду теперь к сыну в Яффу, да не знаю, дойду ли. Ослабел я в дороге и промерз. Сделай милость, позволь немного обогреться.

Усадила женщина старика поближе к очагу и протянула ему одну из трех лепешек.

— Отдохни и подкрепишься, — сказала.

Хотела произнести молитву над хлебом, только раскрыла рот, опять кто-то стучится в дверь. Отворила женщина и видит, стоит на пороге странник, еще более несчастный и ободранный, чем первый, — еле на ногах держится.

— Что за чудеса? — подумала. — То по целому году никто ко мне не заглядывает, а тут сразу двое. Удивилась, однако и этого пригласила зайти и обогреться.

— Спасибо, добрая женщина, — сказал путник, немного отдохнув и повеселев. — Видишь, какая история со мной приключилась: был я богатым купцом, шел с караваном дорогих товаров из Рамота Гиладского в Яффу, да, видно, за грехи мои наслал на меня Господь разбойников. Перебили они моих слуг и погонщиков, разграбили все товары, а меня самого бросили на дороге полумертвого. Вот, пробираюсь я теперь домой без полушки в кармане. Ну, спасибо тебе за тепло и приют, обогрелся я и пойду себе дальше — покуда не стемнело.

Сжалилась женщина и над этим и протянула ему вторую лепешку.

— Возьми, подкрепишься в дороге, — сказала, — и пусть Господь пошлет тебе удачу.

Тут и старик заторопился идти. Дескать, с товарищем будет ему в пути веселее и надежнее.

Ушли оба, а женщина порадовалась, что смогла помочь им в трудный час. — Как хорошо, — подумала, — что было у меня три лепешки. И только начала произносить молитву

над хлебом, чтобы и самой наконец утолить голод, как вдруг налетел снаружи страшный ураган. Застонала ветхая хижина и не устояла под ветром, рухнула. Разметал ураган и стены, и крышу, сбил женщину с ног и унес неизвестно куда ее последнюю лепешку.

Привстала она с земли и заплакала. Поплакала, поплакала, а потом поднялась и пошла в Иерусалим, прямо ко дворцу царя Соломона.

— Великий царь! — сказала ему. — Рассуди меня с разбойником-ветром.

С ветром? — удивился царь.

— Да, с ветром. Ограбил он меня и разорил. — И рассказала всю историю от начала до конца.

— Но разве ты не знаешь, женщина, — сказал Соломон, внимательно ее выслушав, — что ветер и все прочие стихии в руках Господа. Один Бог властен возносить и сокрушать, насылать скорби и исцелять их. Дела его видны нам, но не всегда понятны.

— Слова твои, царь, истинны, — отвечала женщина. — Господь над нами надо всеми, на все его воля. Это я знаю. Потому-то, когда случилось со мной это несчастье, подумала я поначалу, что оно ниспослано мне за грехи мои. И вот стала я перебирать свою жизнь и припоминать, когда и в чем согрешила, и скажу тебе прямо, царь: нету на мне такого великого греха, за который полагалось бы мне такое жестокое наказание. Не нашла я среди своих поступков столь ужасного, чтобы за него следовало отнять у меня и крышу над головой, и последний кусок хлеба. Нет, не верю я, что это Господь наслал на меня бедствие. Это ветер, разбойник, сам, по своему буйному нраву, без спросу и без разбору налетел на мою лачугу и погубил все, чем я владела. Потому и прошу я тебя призвать его к ответу и заставить возместить убыток.

— Что ж, — сказал Соломон, — если ты настаиваешь, призову его на суд и заставлю держать ответ. Только придется тебе немного обождать — ветер сейчас приставлен к работе: мелет муку на мельницах и подгоняет суда в

морях-океанах. Как освободится, так сразу же велю доставить его сюда. А пока ступай ко мне на кухню и скажи, что я велел накормить тебя да приютить. Пусть помощник главного повара найдет для тебя работу по твоим силам. Будешь пока жить во дворце, а как явится ответчик, я тебя тотчас вызову.

Сказал так и занялся другими разборами.

Прошла неделя, а может, и месяц, и пришел к Соломону богатый купец. А следом за ним внесли слуги мешок серебра.

— Зачем явился, купец? — спросил его царь. — Какая нужда привела?

Поклонился посетитель и отвечал так:

— Изволь, царь, выслушать всю историю от начала до конца.

Плыл я с грузом заморских товаров из дальних стран и приближался уже к берегам Израиля, как вдруг поднялась на море страшная буря. Почернело все вокруг и померкло. Не успели матросы убрать паруса, как заплясало судно по волнам, будто щепка, и стало крениться то на один бок, то на другой. Поняли мы, что нам с нашими силами не совладать со стихией, и принялись молить Бога, чтобы не губил наши души. Но велики, видно, были грехи наши, и не внял Господь молитве. Трое суток носило нас по волнам и троих из матросов смыло волнами в море.

Раскаялись мы, оставшиеся, во всех своих прегрешениях и снова взмолились к Господу и умоляли пощадить нас ради детей и матерей наших. На этот раз Бог как будто смилостивился, и буря понемногу улеглась. Осталось нас на судне четверо — я да трое матросов. Но потеряли мы направление и не знали, где находимся и куда несемся по воле волн. Мачты наши были сломаны и паруса разодраны. А потом не стало и ветра. Море сделалось гладким, как пол в этом зале, и корабль наш застыл на месте. Хоть и починили мы кое-как одну из мачт и натянули на нее парус, но он повис в полном безветрии. Так

прошел день, и другой, и третий. И снова взывали мы к Господу, но он не слышал нас. Голод мучал нас, потому что все припасы наши подошли к концу. И тогда сказал я в сердцах: "Зачем мы остались живы и не погибли в волнах? Что пользы от того, что мы спаслись в бурю, если все равно суждено нам умереть?"

И еще день прошел, и еще один. И тогда я, помню, сказал: "Десятую часть всего товара, что есть на этом судне, отдам за кусок хлеба". И представь себе — не успел я закончить этих слов, как послал нам Господь пропитание. Упала с неба прямо к нам на палубу лепешка. Подивились мы такому чуду, возблагодарили Бога и разделили хлеб поровну на четыре части. Хоть и невелика была лепешка, но вернулись к нам силы, и в тот же самый час потянуло с запада ветерком. Вскоре увидели мы родные берега и ступили на твердую землю.

Вот и весь рассказ, царь. Теперь хочу я исполнить обещанное. Серебро, что в этом мешке, — ровно десятая часть того, что стоил товар на судне. Возьми, царь, серебро и поступи с ним по своему усмотрению: раздай бедным или принеси в жертву Храму. Как сочтешь правильным, так и распорядись. Моя же совесть теперь будет спокойна.

Тотчас вспомнил Соломон бедную женщину, у которой ветер отнял последнюю лепешку, и сказал:

— Серебро это принадлежит ей. Бог увидел ее великую доброту и узнал, что она не откажет умирающим в помощи. Потому и решил наслать ураган на ее хижину. Но за ее страдание и за ее милосердие посылает он ей теперь вознаграждение. Пусть она купит себе хороший дом и проживет остаток своих дней в почете и благополучии.

Тотчас привели женщину и сделали все по слову царя. И весь народ дивился чуду с лепешкой, упавшей с неба прямо на палубу корабля, и еще больше дивился мудрости и справедливости Соломона.

СОЛОМОН И АСМОДЕЙ

Когда стал Соломон царем Израиля, он решил построить в Иерусалиме Храм единому Богу, как велел ему отец его Давид и как сказал Господь. Много всего оставил Давид Соломоиу для строительства Храма: и серебро, и золото, и бронзу, и медь, и драгоценные камни, и простые. А царь Тира Ливанского, который был другом Давида во все дни его жизни, согласился нарубить для Храма кедров в горах ливанских. Много разных мастеров собралось в Иерусалим, чтобы строить Храм, — и резчики, и медники, и каменотесы. Все было готово, и всем не терпелось поскорее приступить к работе. Но вот беда — так сказал Господь, и так было записано в святой Торе: "Не строить Дом Божий из камней тесанных". Не прикасаться, значит, к камню ни пилой, ни долотом.

День и ночь размышлял Соломон над этой загадкой: как ему построить Храм, не нарушив приказа? Хоть и был Соломон мудрейшим из людей, но ни разум его, ни сердце не подсказали никакого решения. Тогда собрал он всех мудрецов и всех старейшии и попросил у них совета.

— Мудрейший из царей, — начал свою речь старейший из старцев, — известно ли тебе, что в шестой день Творения создал Господь десять волшебных существ? И одним из них был волшебный червь Шамир? Червь, который заползает в камень и рассекает его лучше любой пилы. Крепчайший мрамор и гранит распадаются на части от одного только прикосновения Шамира.

— Первый раз слышу о таком чуде! — воскликнул царь Израэля. — Где же его разыскать?

— О! — сказал старец. — Этого не знает никто из смертных. Но, добыв Шамира, ты сможешь построить Храм нашему Богу, не прикоснувшись к камню ни пилой, ни долотом.

— Твои слова веселят и радуют мое сердце, — сказал Соломон. — Но, может быть, тебе известно хоть что-то, что наведет меня на след волшебного червя?

Задумался старец и долго молчал. Некоторые из собравшихся даже забеспокоились, уж не заснул ли он ненароком или не умер, не дай Бог, от множества лет своих. Но, очнувшись от дум, старец сказал:

— В тот час, когда он был создан, пребывал Шамир в райском саду. Но когда Ангел Тьмы восстал против Бога, своего владыки, и весь мир распался на Царство Света и Царство Тьмы, Шамир достался демонам. Говорят, что и поныне содержится он в тайном и недоступном месте в Царстве Мрака. Вот все, что мне известно. Если власть твоя, царь, распространяется и на демонов, призови их и расспроси о волшебном черве Шамире.

Поблагодарил царь Соломон старца и объявил собрание закрытым.

Власть царя не распространялась на демонов, но в тот час, когда он сел на трон, он получил чудный подарок от архангела Михаэля — волшебный перстень, позволявший понимать язык зверей и птиц и даже чудищ морских. И вот теперь, размышляя о том, как ему добыть червя Шамира, Соломон призвал к себе царя морей и океанов кита Ливьятана.

— Известно ли тебе о существовании волшебного червя Шамира и о том, где он может скрываться? — спросил Соломон.

— Не известно мне ничего об этом, — ответил Ливьятан и нырнул в морские глубины.

Тогда Соломон призвал к себе царя птиц Орла.

— Известно ли тебе о существовании волшебного червя Шамира и о том, где он может скрываться? — спросил Соломон.

— Ничего не известно, — ответил Орел и взмыл в небеса.

Тогда царь призвал к себе Льва, повелителя зверей.

— Известно ли тебе о существовании волшебного червя Шамира и о том, где он может скрываться?

— Волшебный червь Шамир содержится в заточении в царстве могущественного духа ночи Асмодея, — ответил Лев.

— Где я могу отыскать его? — спросил Соломон.

— Спроси у Летучей мыши, — сказал Лев.

Призвал к себе царь Летучую мышь, и та открыла ему тайну:

— Далеко-далеко отсюда и от святого Иерусалима, в безжизненной и каменистой пустыне стоит гора. У подножья этой горы есть колодец. По весне, когда с гор стекают ручьи, колодец наполняется талой водой. Чтобы солнечные лучи не могли проникнуть в колодец и иссушить его, он накрыт сверху огромным камнем. В этом колодце и обитает дух ночи Асмодей. Вот все, что я знаю.

— Но в какой же стороне искать эту гору? — спросил Соломон.

— Это мне не известно, — сказала Летучая мышь, — обратись к Сове, может, она что-нибудь знает.

Обратился Соломон к Сове, и та сказала ему следующее:

— Гора эта находится далеко-далеко на Востоке. Но учти, днем нельзя приближаться к жилищу Асмодея. Весь день Асмодей сидит в колодце, и только когда заходит солнце и тьма окутывает землю, дух ночи выползает

наружу и отправляется путешествовать по горам и долам, от одного моря до другого. Прежде чем покинуть свое логово, Асмодей накрывает колодец камнем и ставит на нем печать. Если хоть одно живое существо дотронется до камня, Асмодей тотчас ухнет это. Но если печать цела и камень не сдвинут, Асмодей, вернувшись на рассвете из своих странствий, погружается в прохладные воды колодца и спит в нем до следующей ночи. Вот все, что я знаю, — сказала Сова.

— Это уже немало, — решил Соломон и призвал к себе начальника царской стражи — своего любимца красавца Беньямина.

— Скажи, Беньямин, согласен ли ты сослужить мне великую службу? — спросил царь.

— Сделаю все, что ни прикажешь, — ответил бравый страж.

— Видишь ли, — сказал Соломон, — эта служба необычная. Я хочу, чтобы ты перехитрил и пленил могущественного Асмодея.

— Да хоть самого дьявола! — воскликнул Беньямин.

— Ну что ж, если так, отберн сотню самых крепких и надежных ребят из моих стражников и отправляйся в путь, — сказал Соломон.

И он дал Беньямину несколько важных наставлений — как добраться до жилища Асмодея, не вызвав у духа никаких подозрений, и как одолеть его. Помимо этого Соломон вручил верному Беньямину золотую цепочку, на каждом звене которой было высечено Имя Бога, и сто бутылей самого лучшего вина из царских подвалов. А еще он велел захватить побольше воды и провизии, сто лопат и сто заступов, длинную крепкую веревку и сто мешков овечьей шерсти.

И вот Беньямин, снаряженный таким образом в дальний и опасный путь, покинул Иерусалим. А Соломон остался ждать его возвращения.

Много ли, мало ли времени прошло, но Беньямин со

своими молодцами одолел наконец все перевалы, пересек все реки, миновал все города и страны и вступил в пустыню, на краю которой высилась крутая безжизненная гора. Достигнув подножья горы, Беньямин отыскал колодец. Возле колодца валялся громадный плоский камень. Беньямин на цыпочках приблизился к колодцу и глянул вниз. Густой храп и смрадное дыхание выдавали присутствие Асмодея. Беньямин принялся за дело. Поскольку солнце только что взошло, можно было не опасаться скорого пробуждения Асмодея — дух ночи почивал на дне колодца, утомленный ночными странствиями.

Первым делом Беньямин приказал вырыть большую яму ниже того места, где располагался колодец Асмодея, а затем потихонечку-полегонечку начать вести подкоп из ямы в сторону колодца. К тому времени, когда солнце достигло зенита, половина туннеля уже была готова. Тут Беньямин, опасаясь разбудить демона, велел прекратить все работы. Яму накрыли досками, доски закидали землей и камнями, и весь отряд спрятался за горой.

В сумерках в глубине колодца слышалось сопение и ворчание, а когда тьма окутала долину и горы, из колодца высунулась голова Асмодея. Беньямин, спрятавшийся за выступом скалы, хоть и не был робок, увидев демона ночи, испугался не на шутку. Асмодей был ростом с гору, весь покрыт густой черной шерстью и страшен, как сто чертей. Выбравшись на поверхность, дух ночи поднял своими ручищами громадный плоский камень, накрыл им колодец, поставил на камне свою печать и с громким свистом взвился в воздух.

Беньямин поспешил разбудить своих спутников, и все снова взялись за работу. Продолжив туннель, воины Соломона соединили вырытую ими яму с колодцем, и вода из колодца устремилась в яму. Когда вся вода вытекла, Беньямин заткнул отверстие овечьей шерстью и наполнил колодец самым дивным и ароматным вином, какое когда-либо имелось на земле.

На рассвете Асмодей вернулся к своему жилищу. Он

осмотрел камень и печать и, не заметив ничего подозрительного, сдвинул камень. Но, сунув голову в колодец, он выскочил оттуда, как ужаленный.

— Что это? — завопил демон ночи, да так громко, что задрожали горы. — Это вино! Вино дурманит голову, помрачает память и вообще вредит здоровью. Только люди, существа легкомысленные и глупые, могут пить эту гадость! Но откуда эта дрянь взялась в моем колодце?!

Краешек солнца между тем показался из-за гор.

— Я вынужден спрятаться, — сказал Асмодей, — я не выношу дневного света. Но я не дотронусь до этой отравы!

И он залез в колодец. Сладчайший аромат щекотал его ноздри и возбуждал жажду.

— Я только лизну вино один-единственный разочек, — сказал Асмодей. — В конце концов, должен же я узнать, что в нем находят люди. Почему они теряют от него голову и, напившись, вытворяют всякие глупости.

Он высунул язык и лизнул вино. Затем он набрал полную пасть опасного напитка и проглотил с большим удовольствием. Затем он вылакал все вино до последней капли и подлизал дно колодца. А после этого он свалился и уснул как мертвый.

Могучий храп демона ночи разнесся по всей долине. Беньямин приказал обвязать себя веревкой и спустить в колодец. Асмодей, совершенно пьяный, валялся на дне колодца. Стараясь не дышать, Беньямин приблизился к ужасному демону и обмотал его шею золотой цепью, на каждом звене которой было высечено Имя Бога. Как только цепь коснулась шкуры демона, он вдруг весь сжался, как высохшая на солнце изюминка, и сделался не больше той обезьянки, которую царь Соломон ради забавы держал у себя во дворце. Беньямин без труда поднял плененного Асмодея и велел вытащить себя из колодца.

Когда солнечный свет коснулся духа ночи, тот завизжал от страха и забился в руках Беньямина. Но голосок его теперь был тоненьким и слабеньким, а силенок у него было

не больше, чем у годовалого ребенка. Сколько ни метался демон, сколько ни крутился и ни изворачивался, не удалось ему сбросить с себя золотую цепь. Беньямин зачихнул его в мешок и повез в Иерусалим.

Великие почести ожидали в Иерусалиме Беньямина и его отряд. Вся столица вышла встречать славных воинов, женщины плясали перед ними, били в бубен и пели победные песни, девушки осыпали их цветами, старушки обнимали и целовали. Хотя, сказать по правде, никто из жителей Иерусалима толком не знал и не ведал, что за добыча скрыта у Беньямина в мешке. Но вот наконец ликующая толпа осталась за стенами дворца, а Беньямин со своим сокровищем вступил во внутренние покои царского дома.

Соломон усадил своего любимца подле себя и подробно расспросил обо всем, что повстречалось тому в пути. Когда рассказ был окончен, Беньямин развязал мешок и вытряхнул из него духа ночи. Асмодей тотчас вскочил на ноги, злобно глянул на Соломона и пропищал:

— А, это ты — царь Израильский! Неужто мало тебе того, чем ты владеешь? Неужто не насытился ты властью и хочешь и меня сделать своим слугой? Да знаешь ли ты, чем в конце концов придется тебе удовольствоваться? Тут он нагнулся и процарапал когтем небольшой квадрат на плитках пола. — Вот надел любого смертного! И будь ты хоть трижды царь, тебе не избежать своей участи!

— Могущественный демон! — отвечал ему Соломон. — Поверь, что не ради забавы и не ради собственной прихоти доставил я тебя в Иерусалим. Мне предстоит великое дело: я должен построить Храм единому Богу. И я прошу твоей помощи. Ты один знаешь, где можно разыскать червя Шамира, который точит, и пилит, и крошит камень.

— Червя Шамира? — переспросил Асмодей. — Это все, что тебе от меня нужно? Ради такой чепухи меня вытащили из моего колодца и притащили в Иерусалим? Ну и ну! Червь Шамир действительно имелся у меня, но поскольку я

не видел в нем большого проку, я преподнес его в подарок Ципор-птице. Это, правда, было давно, тысячу лет назад, а может, и больше, но не исключено, что червь находится у нее и донныне — разумеется, если Ципор-птица не скормила его своим птенцам. Коль скоро вы намерены разыскать гнездо Ципор-птицы, вам следует отправиться прямо на Восток, в Великую пустыню. Посреди Великой пустыни подымается одинокий утес, у самой вершины утеса есть пещера, в той пещере Ципор-птица свила свое гнездо.

— Ну что ж, — сказал Соломон, — спасибо и на том. Заберите его отсюда, — приказал он слугам, — и поместите в Восточную башню.

— Это нечестно! — завопил Асмодей. — Я сказал тебе все, что знал! Ты обязан освободить меня! Снимите с меня эту цепь!

— И можете давать ему вино из моих подвалов, — прибавил Соломон, — но не больше одной бутылки в день.

— Будь другом, сними с меня эту цепь, — прошептал Асмодей на ухо одному из царских слуг. — Что тебе стоит? Только сними с меня эту проклятую цепь, и я клянусь — все сокровища Соломона станут твоими.

— Что ты! — сказал слуга. — Только один из людей может снять с тебя эту цепь — наш царь Соломон. Но с какой стати он будет это делать? Ведь у него и так есть все сокровища, которыми он владеет.

Асмодей завизжал от злости, но тут дверь башни захлопнулась за ним, и он в одиночестве принялся обдумывать, как отомстить Соломону.

— Мой верный Беньямин! — говорил тем временем Соломон своему любимцу. — Ты видишь, придется тебе снова отправиться в путь. Я надеюсь, Ципор-птицу будет перехитрить не труднее, чем Асмодее.

— Мой царь! — воскликнул верный страж. — Ради тебя я готов перехитрить и одолеть кого угодно!

Не прошло и трех дней, как Беньямин снова выступил в путь, но на этот раз весь его отряд состоял из десяти

человек. Зато с ним было пятьдесят верблюдов, нагруженных водой и провизией. Трудно сказать, сколько дней шагали они по раскаленным пескам и камням, прежде чем достигли пределов Великой пустыни, и сколько дней они шли через пустыню. Но в конце концов утес, о котором говорил Асмодей, открылся их глазам. И на вершине этого утеса они действительно нашли пещеру, а в глубине пещеры было гнездо. Ципор-птицы не было в гнезде, только три птенца жалобно пищали и вытягивали тонкие шеи.

— Если детки на месте, — сказал Беньямин, — значит, и мамаша появится вскорости. Мы, конечно, можем схватить ее, но мне кажется, я знаю лучший способ раздобыть червя Шамира. А иу-ка, братцы, повернем этот валун да прикроем им вход в пещеру!

Десять молодцов поднатужились и повернули камень. А сами спрятались за скалой. Прошло немного времени, и Ципор-птица вернулась к своему гнезду с добычей. Но вход в пещеру был закрыт камнем. Птица кидалась на камень грудью, била его клювом, царапала когтями, пыталась сдвинуть валун крыльями, но все ее усилия оказались тщетными — камень был слишком тяжел и слишком тверд, чтобы она могла его одолеть. Тогда птица вдруг призадумалась и спустя минуту взвилась в воздух. Она вспомнила о подарке Асмодея — волшебном черве Шамире, который умеет рассекать камень. Тысячу лет держала она его в расщелине на вершине железной горы и не думала, что этот червь когда-нибудь сможет ей пригодиться. Теперь, подлетев к горе, она выбила клювом кусок железа, затыкавший расщелину, и извлекла Шамира на свет божий. Вместе с Шамиром вернулась она к своему гнезду и бросила червя на камень, преграждавший доступ в пещеру. Едва Шамир коснулся камня, как громадный валун треснул и распался на части. Птица кинулась в пещеру к своим птенцам, а Беньямин выпрыгнул из своего укрытия за скалой и схватил Шамира. Хоть червь и умел раскалывать камни, но из кулака Беньямина ему было не

вырваться. Да он особенно и не старался. Беньямин посадил его в кожаный кошель, стянул кошель кожаным шнурком, потом запихнул кошель в кожаную суму, перевязал суму покрепче и запихнул в кожаный мешок. Привязав драгоценную ношу к седлу своего коня, он отправился в обратный путь.

Как только отряд достиг Иерусалима и в городе стало известно, что Беньямин добыл волшебного червя Шамира, царь тотчас велел приступать к строительству Храма.

В четвертый год царствования Соломона начали строить Храм в Иерусалиме и строили семь лет. И во все это время не раздавался на месте строительства ни стук топора, ни лязг долота, ни звон пилы. Ни единым железным инструментом не воспользовались строители. И вот Храм был окончен. Внутри стены его были обшиты кедровыми досками, пол выложен кипарисовым деревом, потолок и стены изукрашены резьбой, а многие помещения отделаны чистым золотом. Во внутренней части здания установили двух херувимов, выточенных из оливкового дерева, а под крылья херувимов поставили Ковчег Завета. В Ковчеге не было ничего, кроме двух каменных скрижалей — двух плоских камней, которые положил туда Моисей, когда Господь заключил Завет с народом Израиля по выходе евреев из Египта. И как только Ковчег поставили под крылья херувимов, слава Господня наполнила Храм. Тогда Соломон выступил впереди народа и сказал:

— Господи! Прошу Тебя — услышь молитву раба Твоего и молитву народа, который взывает к Тебе отсюда. Пусть Имя Твое обитает в этом Храме и творит справедливость. Укажи нам путь верный и не оставь нас в беде и страдании.

С этими словами принес Соломон жертву Богу и освятил Храм. И зажил весь народ мирно и счастливо.

А Соломон, закончив строительство Храма, еще построил себе новый дворец, много прекрасней прежнего.

Тринадцать лет строился царский дворец, но наконец и он был закончен. И благословил Бог Соломона, и послал ему такое великое богатство, какого не было ни у одного владыки на земле. Корабли из царского флота плавали во все концы света и отовсюду доставляли в Израиль серебро и золото, алмазы и жемчуга, драгоценные ткани и благовония, колесницы и коней. И зажил царь в почете, покое и неслыханной роскоши.

И сделалось ему скучно.

Ничто не могло развеселить его сердца — ни сладчайшая музыка, ни прекраснейшие таицы, ни изысканные блюда, ни роскошные одеяния. Приходили к нему мудрецы и старейшины и вели с ним долгие беседы, но и они не сумели утешить царя в его печали.

— Возненавидел я жизнь, — сказал им царь. — Противны мне стали все дела, которыми я гордился. Возненавидел я все, совершенное мною. Ведь все равно умру. А тот, кто станет царем после меня, тот, кто будет распоряжаться всем наследием моим, будет он мудр или глуп? Не погубит ли он всего, что я сделал? Нет, жизнь человеческая — одна только скорбь.

Вздыхали мудрецы и старейшины и не знали, что возразить ему. И удалялись, оставляя его в одиночестве.

”Что пользы человеку от всех трудов его? — думал царь. — Что было, то и будет, и что делалось на земле, то и будет делаться. Бог поставил меня царем в Иерусалиме и дал мне великую мудрость и многие знания. Но разве стал я от этого счастливее? Я видел все дела, какие делаются под солнцем, и вот — все это суета и ни в чем нет проку. Кривое не может сделаться прямым, и чего нет, того нельзя сосчитать. Во многой мудрости много печали, и кто умножает познания, умножает скорбь”.

И вдруг царь вспомнил об Асмодее. ”Может, дух ночи знает ответы на те вопросы, что меня мучают? Может, у него я найду поддержку и утешение?” — подумал Соломон и велел привести к нему пленного демона.

— Зачем печалиться, пойдем прогуляемся по городу, —

тут же предложил Асмодей. — Я полагаю, мы повстречаем что-нибудь интересное и поучительное. Что-нибудь такое, что развеет твою тоску. Только не облачайся, пожалуйста, в царские одежды, не то народ не даст нам и шагу ступить. Оденься так, чтобы тебя нельзя было узнать.

Послушался Соломон и оделся как простой человек. Выбрались они потихоньку из дворца и двинулись вдоль улицы.

В одном месте праздновали свадьбу. Гости пели, плясали и веселились, но Асмодей при виде этого зрелища лишь горько вздохнул да сказал: "Бедные вы, бедные! Ах вы, несчастные..." И двинулся дальше. Прошли они с Соломоном мимо сапожника. Какой-то человек заказывал себе башмаки и требовал, чтобы башмаки вышли крепкие, такие, чтобы ему не сносить и не порвать их и за семь лет. Услышал это Асмодей и рассмеялся. Вышли они с Соломоном за городскую стену и увидели чудака, который роет яму под громадным камнем в надежде отыскать клад. И опять рассмеялся Асмодей.

— Чему ты смеешься и отчего прежде вздыхал? — спросил Соломон.

— Смеюсь я оттого, что он ищет клад здесь, за городской стеной, в то время как сокровище зарыто в его собственном саду, — объяснил Асмодей.

— А отчего ты смеялся возле лавки сапожника? — продолжал царь.

Я смеялся оттого, что человеку, который заказывал башмаки, осталось жить на свете не более семи дней. А он, бедолага, требует, чтобы обуви хватило на семь лет. И жениху, который теперь веселится на собственной свадьбе, не придется, бедняге, дожить и до вечера. Потому-то я и вздохнул. Ну как, царь, помогла тебе прогулка? Развеселила она твое сердце?

— Ты смеешься и надо мной! — воскликнул царь. — Ты показал мне, что вся моя мудрость не стоит ломаного гроша! Что проку от всех моих знаний, если я не подозреваю и не ведаю, что готовит мне завтрашний день!

— А ты хотел бы ведать? — спросил Асмодей ласково.

— Хотел бы, — ответил царь.

— Ну что ж, давай совершим сделку, — предложил коварный демон. — Я открою тебе мудрость, недоступную смертным, а ты за это освободишь меня, согласен?

— Согласен! — воскликнул Соломон.

— Сними с меня цепь и дай на минутку твой перстень с печатью, — сказал демон.

И Соломон выполнил его просьбу. Как только цепь спала с Асмодея, он вырос ростом с Масличную гору и зашвырнул царский перстень в море.

— Ха-ха-ха! — рассмеялся демон. — А говорили, Соломон, царь Израильский, мудрее всех людей! Немногого, видио, стоит людская мудрость! Ну-ка, посмотрим, как она тебя выручит в чужих краях! — Тут Асмодей наклонился, подхватил Соломона своими огромными лапищами и перенес в единый миг за море-океан. — А я, — сказал демон, — так и быть, поцарствую вместо тебя в Иерусалиме. Это тебе моя месть за то, что держал меня в башне!

И Асмодей действительно принял облик Соломона и, как ни в чем не бывало, вернулся в царский дворец.

А несчастный Соломон побрел куда глаза глядят. Долго ли, коротко, пришел он в какую-то столицу и отыскал там царский дворец.

— Что тебе нужно, чужестранец? — спросили его стражники.

— Я прибыл из Иерусалима и хотел бы видеть вашего царя, — ответил Соломон.

Впустили его в царский дворец и подвели к царскому престолу.

— Слушаю тебя, — сказал царь.

— Я Соломон, царь Израильский, — начал Соломон и поведал всю свою печальную историю. — Демон ночи перехитрил меня и забросил в вашн края. Но если ты, царь, согласишься дать мне свиту и снаряжение, я вернусь к себе в Иерусалим и отблагодарю тебя за помощь.

— Страино мне слышать твои речи, чужестранец, — вздохнул царь. — Хоть Иерусалим и очень далек от нас, тем не менее мы слышаны о мудрости Соломона, царя Израильского. Не думаю, чтобы демону ночи было так уж просто перехитрить его. А кроме того, я уверен, что Соломон не стал бы обращаться за помощью ко мне. Соломон, с Божьей помощью, и сам нашел бы, что ему делать. Извини меня, но весь твой рассказ — нелепая и неумная выдумка. Оставь мой дворец и не попадайся больше мне на глаза. — И с этими словами царь повел рукой и подал стражникам знак выкинуть обманщика вон.

Что те и сделали.

Поднялся Соломон с земли и побрел прочь от дворца. На свое счастье он обнаружил в кармане платья, что было на нем надето, несколько мелких монет. С этими деньгами он пытался уговорить какого-нибудь купца или морехода принять его в караван или на корабль, что направляется в Израиль, но все купцы и мореплаватели лишь посмеялись над бродягой.

— Купи себе осла и поезжай, куда пожелаешь! — посоветовал какой-то парень.

И Соломон в конце концов так и поступил. Он купил осла и, восседая на нем верхом, двинулся в сторону Иерусалима. Не прошло и трех лет, как он достиг пределов Святой земли. Трудно было узнать в нем прежнего Соломона. Заплатанные штаны и рваная рубаха прикрывали его тело. Ноги его были босы, волосы спутаны, руки потрескались от грязи и холода, лицо осунулось и покрылось морщинами. Но ничто не могло остановить его: он добрался до Иерусалима и подошел к царскому дворцу. У ворот он увидел стражника, и лицо этого человека показалось ему знакомым.

— Радуйся, дружище! — промолвил Соломон и едва не заплакал от счастья. — Твой царь вернулся домой!

— Ты что-то путаешь, бродяга, — ответил стражник. — Наш царь пребывает во дворце и не имеет обыкновения отлучаться из царских покоев. Толай-ка лучше отсюда

подобру-поздорову, не то услышит твои речи начальник стражи и велит арестовать тебя как самозванца.

— Начальник стражи? — обрадовался Соломон. — Уж кто-кто, а он-то меня узиает! Зови его скорее!

— Ну что ж, — сказал стражник, — если ты сам того желаешь, будь по твоему.

И он вызвал начальника стражи. Но это был уже не верный Беньямин, а совсем другой человек, вовсе царю не ведомый.

— В чем дело? — спросил он строго.

— Этот человек утверждает, что он наш царь Соломон.

— Гони его в шею, — промолвил начальник, но увидев, что вокруг собралась толпа, решил немного позабавиться. — Ты, странник, осмеливаешься утверждать, что ты царь Израильский? — обратился он к Соломону. — Но как же это может быть? Разве два Бога заключили на горе Синая Завет с Израилем? Разве два Израиля на земле? Разве два Иерусалима в Израиле? Разве два Храма в Иерусалиме? И разве мыслимо, чтобы два царя правили народом?

— Один Бог на небе, — отвечал Соломон, — и один Израиль на земле. Один Иерусалим в Израиле, и один Храм в Иерусалиме. И это так же верно, как то, что я — Соломон, сын Давида.

Толпа покатила со смеху.

— Мудрость бедняка пренебрегается, и слов его не слушают, — промолвил Соломон с горечью и побрел прочь.

Дошел он до городского рынка и сел на углу, где обычно сидели нищие.

”Я построил себе дворец и насадил виноградники, — принялся он размышлять, — устроил сады и рощи, сделал водоемы и приобрел стада, каких не было прежде в Иерусалиме. Я был богаче всех людей, но разве сердце мое не томилось тоской? Стану ли теперь печалиться, лишившись сокровищ? Все это суета. Богатство приходит и уходит. Не во власти человека удержать накопленное. Все от Бога — и милость, и бедствие. За то, что возжелал я

неземной мудрости, Бог оставил меня и лишил своего благословения. Ну что ж, всему свое время — время плакать и время смеяться, время искать и время терять, время сберегать и время бросать”.

— Эй, ты! — позвал его вдруг какой-то человек. — Не поможешь ли мне дотащить корзину?

Соломон поднялся с земли и взвалил себе на плечи корзину с овощами. Тот, что окликнул его, оказался поваром в богатом доме. Увидев, что Соломон неглуп и проворен, повар предложил ему быть его помощником.

С утра спешил Соломон на рынок, потом чистил овощи, таскал воду, мыл горшки, отскребывал сковороды, растапливал плиту и выносил мусор на свалку. И за все это получал штаны и рубаху с чужого плеча да одну мелкую монету в год. “Человек не может постигнуть дел, которые Бог делает, — думал он, — но разве глаза бедняка видят меньше, чем глаза богача, и разве мир Божий не одинаково прекрасен для обоих? Во дни благополучия пользуйся благом, а во дни несчастья размышляй”, — говорил он самому себе.

Но вот однажды отправился он на рынок, чтобы купить рыбу к обеду. На углу, как обычно, сидели нищие. Вдруг один из них приподнялся и указал на Соломона.

— Слово царское храни ради клятвы перед Богом, — сказал нищий.

Удивился Соломон, но не подал виду и прошел дальше.

В рыбном ряду наткнулся он на человека, который взглянул на него и сказал:

— Кто может выпрямить то, что Бог сделал кривым?

Еще больше подивился Соломон, но опять ничего не промолвил. А когда он уже выбрал рыбу и заплатил за нее, какая-то женщина вдруг воскликнула:

— Поглядните! Как этот человек похож на нашего царя! Будто брат-близнец.

Поспешил Соломон с рынка домой и принялся чистить рыбу. Вспорол ей брюхо и увидел, что внутри у нее есть

рыбешка поменьше. Взял он меньшую рыбку и хотел выбросить, но вдруг нащупал у нее под кожей что-то твердое. Вспорол он рыбке брюхо и увидел свой перстень, брошенный Асмодеем в море. Промыл Соломон перстень, надел себе на палец и тотчас очутился в собрании мудрецов Израильских.

А посреди этого собрания стоял красавец Беньямин и докладывал:

— Должен признаться, — говорил Беньямин, — что с того самого дня, как царь явил свою милость и произвел меня в хранители своих покоев, я начал замечать за ним нечто странное. Прежде царь любил гулять по саду и любил, чтобы его выносили в город. Любил праздники и веселье, солнечный свет и людской гомон. А теперь он чурается дневного света, как огня. Весь день сидит в своих покоях, все окна и двери велел завесить черными шторами, а с наступлением ночи исчезает неизвестно куда и неизвестно как. И это, конечно, не все. Вы и сами знаете, что тот, кто построил Храм нашему Богу, и возносил молитвы, и не пропускал ни единого праздника, приносил мирные жертвы и умножал славу Божью, вот уже пять лет как в Храм ни ногой.

— Мы знаем, что царь отступился от единого Бога и отклонил от него свое сердце, — подтвердили собравшиеся. — Нам известно, что он построил капища мерзостным богам Моавским, и Аммонским, и Сидонским и приносит им жертвы. Горе царю и горе Израилю!

— Но и это еще не все, — продолжал Беньямин. — С некоторых пор я обратил внимание на то, что царь прячет от людей свои ноги и не позволяет никому из слуг ни мыть себя, ни обувать. И вот вчера в полдень, когда царь почивал на своем ложе, мне удалось приблизиться к нему. Я сделал вид, будто хочу получше задернуть полог возле кровати, на самом же деле я приподнял покрывало и взглянул на ноги царя. Клянусь своей жизнью, это были не ноги человека, а ноги петуха!

Все собравшиеся переглянулись в ужасе.

— Ничего удивительного, — сказал самый мудрый из старцев, — так всегда бывает, когда демон принимает образ человека. Лицо и все тело представляются нам человеческими, но ноги выдают нечисть, ноги выглядят петушиными.

— Значит ли это, что Израилем правит демон? — вскричали многие в голос. — И где же тогда истинный царь?

— Я — истинный царь, — сказал Соломон, выступая вперед. — Я, Соломон, сын Давида, построивший Храм и почитающий единого Бога. И вот доказательство того, что слова мои — чистая правда. — Тут он поднял над головой руку, и все увидели перстень архангела Михаэля с Именем Божьим на нем.

— Вот истинный царь! — воскликнул все. — Идем во дворец.

И все собрание мудрецов Израильских поднялось и двинулось к царскому дворцу. Впереди всех шел Соломон, а рядом с ним верный Беньямин. По дороге многие жители Иерусалима присоединились к процессии, и, когда Асмодей увидел приближающуюся толпу и услышал крики: "Да здравствует царь! Долой самозванца!", он все понял и не стал дожидаться, чтобы его снова схватили и заперли в башню. С диким воем сбросил он личину Соломона, взвился выше гор и был таков.

А Соломон вновь поселился в царском дворце и правил Израилем сорок лет. Он мудро и справедливо судил свой народ, и преумножал богатства страны, и сочинял прекрасные книги, и слава о нем разнеслась по всему свету, от края до края.

КУВШИН С МЕДОМ

ы, наверно, знаете, как царь Соломон рассудил двух женщин, каждая из которых утверждала, что именно она — мать ребенка. Конечно, знаете. Эту историю знают все, так что мы уж не станем ее рассказывать. Лучше мы расскажем, как царь Соломон рассудил одну молодую вдову с ее соседкой.

Началось все с того, что у одной женщины, красивой и пригожей, умер муж. И вскоре после того, как муж ее умер, в дом к ней повадился заглядывать один знатный сановник, человек хоть и очень богатый, но немолодой, некрасивый и к тому же женатый на сотне других женщин. В те времена было так принято — чтобы у одного мужа было много жен. Разумеется, бедный человек не мог иметь много жен, он был доволен, если ему удавалось взять хоть одну жену, зато богачи так и старались перещеголять друг друга — если у одного было семьдесят жен, так другому подавай восемьдесят. У самого царя Соломона, говорят, была целая тысяча жен.

Тот сановник, о котором мы рассказываем, решил, что

сделает молодую вдову своей сто первой женой. Дело в том, что она давно ему нравилась — как только он увидел ее в первый раз, она сразу ему приглянулась, — но поскольку тогда ее муж еще был жив, сановнику оставалось лишь издали любоваться ею, да и то украдкой, зато теперь, когда она овдовела, ничто не мешало их браку. Но женщина вовсе не собиралась выходить замуж за сановника, он ей совершенно не нравился, а его сто жен и того меньше. Но так как он был человек знатный и могущественный, то сердить его ей тоже не хотелось. Вот она и решила, что самое умное, что можно предпринять в ее положении, это уехать прочь из Иерусалима. Убраться, как говорится, с глаз долой. Сделать это ей было, в общем-то, не трудно, поскольку у нее были родители, которые жили в Хевроне. Смущало ее только одно: после мужа ей остался дом и кой-какое имущество, а помимо этого несколько десятков золотых и серебряных монет. Эти монеты беспокоили женщину больше всего. Взять их с собой в дальнюю дорогу она не решалась — вдруг по дороге нападут разбойники и ограбят? А оставлять золотые и серебряные монеты в пустом доме ей тоже не хотелось — неизвестно, кому вздумается заглянуть сюда в ее отсутствие. Вот она и придумала такую хитрость: положила монеты в глиняный кувшин, а сверху налила густого темного меда. Потом она обвязала кувшин тонкой телячьей шкуркой и отнесла к соседке.

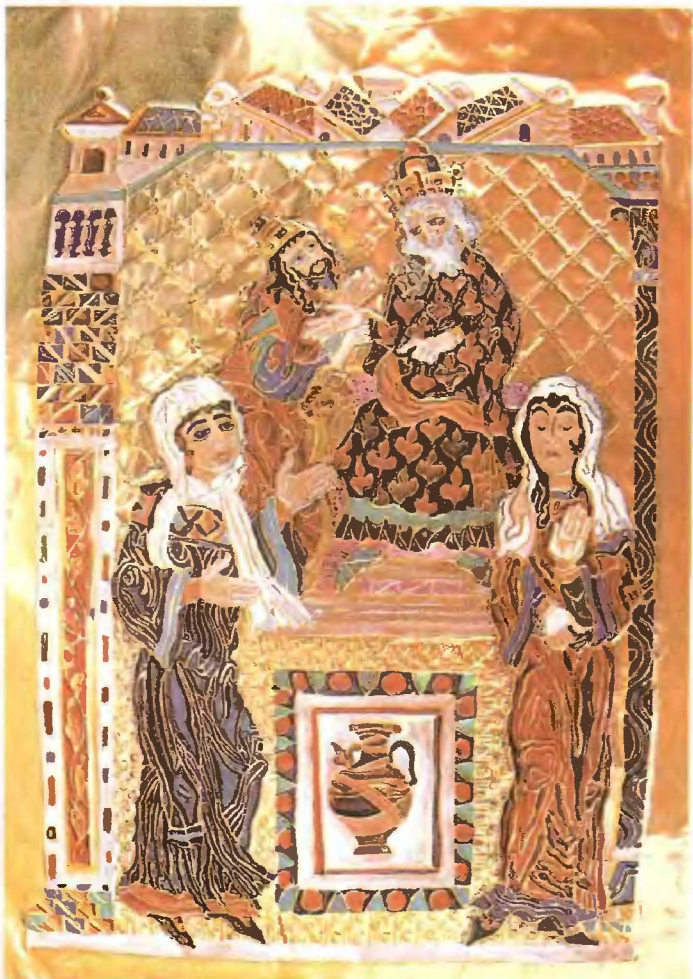
— Так и так, — сказала она соседке, — пришел ко мне один человек из Хеврона и сказал, что мой отец хочет, чтобы я вернулась домой. И то правда — все равно никого у меня тут в Иерусалиме нету, пойду к отцу с матерью и проживу у них какое-то время. Только вот этот кувшин с медом прошу тебя приберечь до моего возвращения. Не хочу оставлять его в пустом доме, а то зайдет какой-нибудь бродяга и выпьет мед.

— Оставляй, конечно, — сказала соседка. — Поставь ко мне в погреб и не беспокойся: когда вернешься, найдешь в нем ровно столько же меда, сколько в нем сегодня.

Вдова поблагодарилла, поставила кувшин с медом и монетами в соседкин погреб и ушла себе потихоньку в Хеврон к отцу с матерью.

Соседка была женщина честная и чужим медом лакомиться, разумеется, не собиралась, но случилось так, что один из ее сыновей достиг возраста *бар-мицвы*. Созвали гостей, родных и соседей, и вдруг обнаружили, что в доме нет ни капли меда. А какой же праздник и какое угощение без меда? Бросилась женщина на базар, но и там не нашла меда. Может, это был такой год неудачный, что пчелы принесли мало меда, кто его знает. Вернулась она домой расстроенная и вдруг вспомнила про кувшин, что оставила вдова. "Ну, верно, большой беды не будет, если я возьму у нее сколько-нибудь меда, а потом куплю и добавлю, — подумала женщина. — Ведь если бы она была здесь и узнала, что у меня нет меда в день бар-мицвы, то сама бы предложила мне взять. К тому же, неизвестно еще, когда она вернется — если вообще когда-нибудь вернется. Может, она там в Хевроне давно уже вышла замуж, и деток нарожала, и живет себе поживает, а про этот мед и вспомнить забыла". Подумав так, она распечатала кувшин, вылила из него мед и вдруг увидела на дне золотые и серебряные монеты. "Вот так-так! — сказала себе женщина. — Ничего себе подарочек! А я-то который год держу кувшин у себя в погребе и даже не догадываюсь, какое в нем сокровище. Но ведь она просила меня сберечь мед, а не монеты, стало быть, монетами я вправе распоряжаться, как хочу". И она вытащила монеты из кувшина, обмыла их и перепрятала в другое место.

Много ли, мало ли времени прошло, но сановник, который досаждал вдове своей любовью, скончался. А поскольку это был человек знатный и именитый, то весть о его смерти вскоре дошла и до Хеврона. И тут вдова, которая, кстати сказать, замуж так и не вышла, решила, что нет больше никакой причины оставаться ей в Хевроне.

Можно теперь спокойно вернуться в Иерусалим и поселиться снова в своем собственном доме.

Вернувшись в Иерусалим, она, разумеется, первым делом отправилась к соседке узнать про кувшин с медом. И соседка тотчас вынесла ей кувшин, и в нем и в самом деле было ровно столько меда, сколько вдова оставляла. Но золотых и серебряных монет в кувшине не было.

Увидев это, женщина все поняла и с плачем и с криком выбежала на улицу. Но соседка лишь усмехнулась:

— Ты оставила мне на хранение мед, мед я тебе и вернула. — сказала она. — Ни про какие монеты я и слыхом не слыхивала. Стану я брать чужие монеты, когда у меня своих хватает!

От этих речей вдова заголосила пуще прежнего. Собравшиеся на ее крик соседи посоветовали ей обратиться к царю Соломону — пусть рассудит.

И вот явились обе женщины во дворец на суд. Царь в те дни был уже стар и не очень хорошо слышал, поэтому он пропустил мимо ушей всю историю с сановником, которому приглянулась вдова, а также рассказ о том, как она жила в Хевроне у отца с матерью.

— Ты утверждаешь, — сказал царь вдове, — что оставила соседке кувшин, в котором помимо меда были золотые и серебряные монеты.

— Именно так, — ответила вдова.

— А ты утверждаешь, что в кувшине не было ничего, кроме меда, — сказал он соседке.

— Так, царь, так. Ничего не было.

— Есть ли у тебя свидетели? — спросил Соломон вдову. — Может ли кто-нибудь подтвердить, что ты положила в кувшин монеты?

— Что ты, царь! — воскликнула вдова. — Я ведь и ей ничего не сказала про монеты. Никто про них не знал, кроме меня да Господа Бога.

— Тогда положимся на Бога, — сказал Соломон. — Где кувшин с медом? Разбейте его!

Разбили слуги кувшин, и все собравшиеся увидели, что к

одному из осколков приклеилась небольшая серебряная монетка.

— Мне кажется, это достаточное доказательство твоей правоты, — сказал Соломон вдове. — И мне сдается, — сказал он соседке, — что ты солгала перед лицом царя. Знаешь, какое наказание за это полагается?

Упала соседка к ногам царя и стала молить о прощении.

— Так оно всегда бывает в случае с медом, — сказал Соломон, — что-нибудь обязательно да приклеится. Ну что ж, если эта женщина тебя простит, — и он указал на вдову, — то прощу и я.

И вдова на радостях, что правота ее открылась и что она получит обратно свои монеты, простила соседку. Говорят даже, что обе женщины еще долгие годы продолжали жить по соседству и заглядывали иной раз друг к другу одолжить соли, или перца, или масла.

Но про мед ни та ни другая в жизни не заикались, будто его и вовсе никогда не существовало на свете.

КАК РАБИ ЛЁВ ИЗ ПРАГИ СДЕЛАЛ ГОЛЕМА

ил однажды в Праге очень мудрый и ученый раввин, звали его раби Лёв. Так же, как и все другие евреи, раби Лёв жил в еврейском квартале, помещавшемся в излучине реки Влтавы. Большую часть своего времени раби Лёв проводил за изучением Торы, Талмуда и разных мудрых старинных книг. Но с некоторых пор раби стал замечать, что в родном его городе Праге творится что-то неладное. Не успевал он уединиться и углубиться в чтение, как с улицы начинали доноситься стоны и причитания, а то и громкие вопли, и вслед за этим в доме появлялся один из соседей или учеников раби. Не раз приходилось раби Лёву откладывать в сторону любимые книги и оставлять свои занятия, чтобы выслушать жалобы обиженных, побитых, ограбленных и перепуганных евреев. Один рассказывал с плачем, что бандиты ворвались к нему в лавку и перепортили весь товар, другой умолял спасти его от побоев, третий кричал, что злодеи едва не подожгли его дом, а четвертый сообщал, что скорняки-христиане добиваются от императора указа об изгнании из Праги всех евреев.

Раби Лёв выслушивал эти рассказы, вздыхал и подолгу размышлял о том, почему именно теперь все эти несчастья должны были свалиться на головы пражских евреев. В старинных книгах было написано, что, когда в древности римляне изгнали евреев из Святого Иерусалима и из Эрец-Исраэль, весь народ закричал криком великим и горестным. Но Бог приказал евреям утихнуть. "Придет время, и я верну вас домой, — сказал Бог. — А пока будете жить среди других народов". И тогда же — так было написано в старинных книгах — Бог взял слово со всех народов не притеснять евреев, не причинять им зла, не грабить, не убивать и не изгонять их из своих стран. "Когда наступит срок, и я верну мой народ на Святую землю, — сказал Бог, — всем народам зачтется заслуга гостеприимства, и все праведники удостоятся подняться в Иерусалим".

Но где же гостеприимство? — размышлял раби Лёв. — Где те праведники? Тут поджог, там грабеж, тут погром, там убийство... Сколько же евреи должны терпеть несправедливости и обиды, если народы нарушили данное Богу слово?

Хватит! — сказал раби в один прекрасный день, поразмыслив и повздыхав. — Пора с этим покончить. И, мне кажется, я знаю средство, которое поможет нам справиться со всеми напастями.

Сказав так, он отправился в синагогу, которую в Праге называли Старо-Новой синагогой, и повидался там со своим зятем Исааком бен Шимшоном и своим лучшим учеником Яковом бен Хаимом-Сасоном, происходившим из рода Левитов. Только этим двум раби Лёв решился открыть свои планы.

— Будьте готовы к важному и необычному делу, — сказал раби Лёв. — Скоро, в эти дни, с Божьей помощью мы спасем пражских евреев от всех грозящих им бедствий.

Больше он ничего не прибавил, но Исаака и Якова его слова порадовали.

В ночь после этого разговора раби Лёв увидел сон. Ему

приснилось, что он стоит над крутым обрывом на берегу Влтавы, а из воды навстречу ему подымается огромный великан. Не успел раби и глазом моргнуть, как великан ступил на берег и зашагал в сторону еврейского квартала. И тотчас со всех сторон до ушей раби донеслись радостные крики, звуки музыки и песен. Раби обернулся поглядеть, что за причина для такого веселья, но тут налетел ветер, закрутил великана, точно пушинку невесомую, и поднял в воздух. Поплыл великан над крышами домов, пронесся над всем еврейским кварталом и вдруг ни с того ни с сего рухнул. Шлепнулся оземь прямо у ног раби. Раби кинулся было помочь бедняге подняться, но никого не увидел. Ни единого человека не было на берегу, только у края обрыва высилась куча красной глины.

Проснулся раби Лёв и понял, что сон этот приснился ему неспроста. "Не иначе, как это знак, — подумал раби, — видно, намеренья мои угодны и приятны Богу. А если так, надо действовать".

Поднялся он потихоньку с постели, оделся, стараясь не разбудить спящей жены, и на цыпочках вышел из дому. Ночь была лунная, середина месяца шват, и ни одна живая душа еще не выползала в столь ранний час на улицу. Раби пересек одну улицу, другую и спустился к реке. Подойдя к обрыву, он увидел, что место, на котором он теперь стоит, в точности напоминает то, которое привиделось ему во сне. И глина под обрывом была такая же красная и тяжелая, как та, что ему приснилась. Раби наклонился, помял сырую холодную глину и распрямился, довольный. Возвращаясь домой, он всю дорогу улыбался.

— Будьте готовы, — сказал он Исааку бен Шимшону и Якову бен Хаиму-Сасону на следующее утро. — Скоро, скоро уже мне потребуется ваша помощь.

Семь дней и еще семь последующих все трое провели в молитве и размышлениях. Раби Лёв читал старинную книгу, написанную тем шрифтом, который, кроме него, в целой Праге никто не умел разобрать. О тайных искусствах

и священных знаках рассказывалось в этой книге. На исходе второй недели раби Лёв призвал Исаака и Якова. Все трое поднялись на чердак синагоги, и тут раби Лёв сказал:

— Слушайте! Я намерен сделать Голема, существо без души и без ума, способное, однако, выполнять мои приказания. Этот Голем защитит евреев Праги от всех бед и спасет от всех напастей. Четыре элемента необходимы для создания Голема, и все четыре здесь у нас налицо. Ты, Исаак, являешь собой огонь, а ты, Яков, воду. Я сам представляю воздух, а землю мы найдем на месте. Бог укажет нам, как справиться с этим делом. Приходите завтра в полночь на берег Влтавы и ждите меня. И постарайтесь, чтобы никто ничего не проведал.

Весь следующий день все трое постились и молились, а под вечер, окунувшись в *микве*, оделись в чистые субботние одежды. Если бы кто-нибудь из жителей еврейского квартала не спал в ту ночь, он мог бы увидеть, как трое уважаемых раби, покинув незадолго до полуночи свои дома, пустынными улицами направились к реке. Но никто этого не видел. Ровно в полночь все трое были на месте, на берегу Влтавы. Раби Лёв отыскал обрыв и указал другим на глину.

— Вот, — сказал он. — Это то, что нам нужно.

Был второй день месяца адара, тоненький новорожденный серп луны прятался в тучах, и звезды почти не светили. Раби Лёв достал из кармана четыре свечи и зажег их. Пламя свечей колебалось на ветру и, казалось, вот-вот готово было угаснуть, но Яков бен Хаим-Сасон и Исаак бен Шимшон стали читать псалмы, и ветер утих. Раби Лёв, скинув пальто, принялся за работу. Он мял, месил и катал глину, пока она не сделалась под его руками мягкой и послушной. Тогда он вылепил из нее человеческую фигуру: туловище, ноги и руки, шею и, наконец, голову. Нос, глаза, уши, пальцы рук и ног, все было на месте. Раби выпрямился и оглядел свое творение. Голем лежал на

спине, будто человек, спящий глубоким сном.

Раби Лёв повернулся к Исааку и Якову.

— Исаак! — сказал он. — Ты — *эш*, огонь. Сделай семь кругов вокруг Голема справа налево.

После этого он приблизился к зятю вплотную и шепнул ему на ухо священную формулу, известную лишь очень немногим посвященным. Дрогнувшим голосом повторил Исаак магические слова и двинулся вокруг глиняной фигуры. Когда он обошел ее в первый раз, от глины начал подниматься пар. Когда он завершил третий круг, глина нагрелась, как хорошо протопленная печь. А когда он окончил все семь кругов, Голем пылал, как раскаленная головешка.

— Теперь твоя очередь, Яков бен Хаим-Сасон, — сказал раби любимому ученику. — Ты — *маим*, вода. Сделай семь кругов вокруг Голема слева направо.

Яков двинулся вокруг глиняного истукана, повторяя вполголоса священную формулу, которую раби Лёв шепнул ему на ухо. Едва только он завершил первый круг, глина остыла. После второго круга она приобрела цвет человеческого тела, после третьего покрылась кожей, после четвертого на голове у Голема начали расти волосы, после пятого на пальцах рук и ног появились ногти, после шестого в носу прорезались ноздри, а после седьмого сам раби Лёв не отличил бы сделанного им Голема от настоящего мужчины.

— Теперь пустите меня! — сказал раби. — Я *авир*, воздух. Я вдохну в него жизнь.

Он обошел Голема три раза справа налево, потом три раза слева направо, потом приблизился к нему вплотную и вложил истукану в рот кусочек пергамента, на котором было начертано Имя Бога. Во всей Праге, а может, и в целой Европе, только раби Лёву было известно написание Имени.

Затем все трое раби Лёв, Исаак бен Шнмшон и Яков бен Хаим-Сасон поклонились на восток, на запад, на юг и на север и произнесли:

— Господь Бог сотворил человека из праха земного и вдохнул дыхание жизни в ноздри его.

В тот самый миг, как прозвучало слово "жизнь", Голем приоткрыл глаза, вдохнул и сел. Огонь, вода и воздух наполнили его глиняную сущность и сделали его похожим на настоящего человека, а Имя Божье пробудило его к жизни. Теперь он мог дышать, видеть, слышать и двигаться так, словно был сотворен из плоти и крови. Яков и Исаак невольно отступили при виде свершившегося чуда, но раби Лёв не дрогнул и не растерялся.

— Встань! — приказал он Голему, который с интересом озирался по сторонам.

Голем повиновался.

— Тебя зовут Йосеф, — продолжал раби Лёв. — Я сотворил тебя, чтобы ты стал защитником евреев и отвел от них беду. Ты должен исполнять все мои приказания. Если я пошлю тебя в огонь, ты, ни секунды не раздумывая, пойдешь в огонь, если я скажу тебе спрыгнуть с башни или броситься в морскую пучину, ты сделаешь это без малейшего колебания.

Голем кивнул в знак согласия. Яков и Исаак ждали, что он заговорит, но этого не случилось. Сотворенный человеком, а не Богом, Голем был лишен дара речи. Раби Лёв протянул ему заранее приготовленную одежду, Голем натянул на себя рубаху, штаны и куртку, натянул на голову картуз и стал как две капли воды похож на синагогального служку Пинхаса. Взглянув на него, Яков и Исаак не удержались от смеха.

Раби Лёв привел Голема к себе домой и сказал своей жене Перл:

— Это Йосеф, он немой и пришел в Прагу издалека. Пускай поживет пока у нас.

Перл громко вздохнула. "Мало мне своих семерых детей и сиротки Мирьям, так мой муж, чтобы он был здоров, вздумал еще посадить мне на шею этого немого!" — так подумала Перл, но сказать ничего не сказала, поскольку знала, что спорить с раби бесполезно.

Итак, Голем поселился в доме раби Лёва и покорно исполнял любое его слово и любое приказание. Большую часть суток он с грозным видом разгуливал по улицам еврейского квартала и следил за порядком. Хулиганы, досаждавшие евреям, вскоре поняли, что с Немым опасно связываться. Раби Лёв, давая Голему наставления, сказал: "Никогда никого не убивай и не калечь, но никому не позволяй обижать евреев или портить их имущество". Голем так и поступал. Убивать или калечить ему при его силище и не требовалось, он просто брал обидчика за шиворот, относил на берег Влтавы и швырял в воду с высокого обрыва. А дальше тот мог барахтаться, как ему нравилось. Если бандитов было двое или трое, то Голем без труда подымал в воздух и двоих, и троих зараз и петоропливо шагал с ними все к тому же обрыву, не замечая ни пинков, которыми хулиганы награждали его по дороге, ни их воплей. Случалось ему расправляться и с целыми компаниями храбрых громил. Сначала он относил к реке двух-трех первых попавшихся, а потом возвращался, чтобы взяться за следующих. Но те, как правило, предпочитали не дожидаться его появления. Очень скоро во всей Праге не осталось желающих повстречаться с немым Йосефом. И евреи наконец вздохнули с облегчением. Молва о подвигах Йосефа разнеслась и за пределами Праги, и многие семьи пожелали спокойствия ради переселиться сюда из других городов и стран. Еврейский квартал разрастался и процветал. Но Голем еще не собирался успокаиваться. Недели две, а может, и больше, он простоял на углу той улицы, что отделяет Старо-Новую синагогу от церкви Святого Духа. Никто не мог понять, чего он стоит день-деньской как приклеенный на одном и том же месте. А Голем с великим терпением ожидал появления старосты цеха скорняков. Этот староста был большим ненавистником евреев и писал императору одно прошение за другим и одну петицию за другой с требованием изгнать всех евреев из Праги. Трудно сказать, откуда это стало известно такому безмозглому существу,

каким был Голем, но факт остается фактом — Йосеф решил не покидать своего поста, покуда не подвернется случай проучить негодника. И такой случай в конце концов подвернулся.

Староста цеха скорняков не так уж часто выходил из дому, а если выходил, то двигался неспешно, задрав кверху свой мясистый и красный нос. Он считал, что скорняки — самые важные ремесленники в городе и поэтому требовал, чтобы все встречные издали ему кланялись. Сам же он редко кому отвечал на поклон, разве что попадался какой-нибудь другой староста или член городского магистрата.

В тот день староста вместе с двумя приятелями, тоже скорняками, решил прогуляться по Старому городу. Поравнявшись с еврейским кварталом, все трое замедлили шаг, и староста сказал довольно громко:

— Погодите, еврей, не радуйтесь! Скоро вылетите отсюда, как миленькие. И духу вашего не останется в нашем городе.

Неизвестно, что он собирался сказать дальше, но ему пришлось прервать свою речь, потому что Голем выступил из-за угла, пересек улицу и взял уважаемого старосту цеха скорняков за шиворот так небрежно, словно это был какой-то мальчишка-подмастерье.

— Пусти! — заорал староста. — Пошел вон! Убирайся отсюда, мерзавец!

Но Голема эти слова, разумеется, не тронули. Подняв дрыгавшего ногами старосту повыше, он направился в центр квартала, к Еврейской ратуше. Приятели старосты некоторое время трусцой бежали рядом и уговаривали Голема не дурить и освободить их товарища по-хорошему, но Голем не обращал на них ни малейшего внимания. Тогда скорняки поотстали и пригрозили, что пойдут в город и вернутся с подкреплением. Но и эти доводы не подействовали на Немого.

Еврейская ратуша была трехэтажным зданием, а над ней еще высилась башня высотой этажа в четыре. И вот сюда-то Голем и затащил предводителя скорняков.

Тот вопил, кричал, ругал Голема, обзывал его всяческими словами, обещал сообщить обо всем императору, но, увидев, что дело принимает серьезный оборот и что Немой, не говоря худого слова, уже выпихивает его из башенного окошка, взмолился о пощаде.

— Смилуйся, отпусти! — пропницал староста. — Нет, нет, не отпускай, держи покрепче, идиот проклятый! Ты что, с ума сошел? Неужели ты в самом деле хочешь сбросить меня вниз? Ты, наверно, пошутил. Перестань валять дурака и давай поговорим по-человечески. Ну, ну, успокойся. Не станешь ведь ты брать на душу такой страшный грех как убийство?

Души у Голема не было, но в голове у него что-то звякнуло, и он вспомнил слова раби Лёва, который строгонастрого запретил ему убивать и калечить людей, даже если это были самые что ни на есть злобные враги еврейского народа. Голем втащил старосту обратно в окошко и поволок с башни вниз. Далее он проследовал на свое любимое место, на берег Влтавы, и, размахнувшись получше, зашвырнул скорняка на середину реки.

Выбравшись на берег, староста помчался домой и, даже не сменив мокрой одежды, принялся строчить пространнейшую жалобу императору. Однако император, прослушав послание, только посмеялся. Не то чтобы он так уж презирал скорняков, не то чтобы так уж радовался несчастью их старосты, но изгонять евреев из Праги он, откровенно говоря, не собирался. Дело в том, что император почему-то всегда нуждался в деньгах, а евреи, в отличие от некоторых скорняков, исправно вносили налоги в казну Его величества.

— Забавное происшествие, — сказал император своему секретарю и тут же обо всем позабыл.

Но после этого случая никто уже не досаждал жителям еврейского квартала и никто не требовал больше их изгнания. Дни мира и благоденствия настали в еврейском квартале старинного города Праги.

А что же Голем? Не видя больше никакой нужды в прогулках по улицам, Голем облюбывал себе местечко на лавочке перед домом и целыми днями блаженно жарился на солнышке. Бедная Перл, проходя мимо дремлющего верзилы, нет-нет да и бурчала себе под нос:

— Сидит! Хоть бы плиту растопил, хоть бы воды натаскал! Хоть бы помог мне донести корзину с рынка! Сидит целый день, как пень!

— Не вздумай занимать Йосефа домашней работой, — предупредил раби Лёв жену, каким-то образом догадавшись о ее мыслях.

— Никто его ничем не занимает, — ответила Перл. — Но если бы у него была совесть, он сам бы предложил немного помочь.

— Во-первых, у него нет совести, — сказал раби Лёв, — а во-вторых, он создан не для того, чтобы таскать твои корзины.

— Разумеется, — буркнула Перл, — он создан для того, чтобы дрыхнуть, бездельничать и уплетать все, что я ни сготовлю.

Но она была несправедлива к Голему. Ел он ничуть не больше, чем любой нормальный человек. Размышляя над этим вопросом, раби Лёв пришел к выводу, что великая сила Голема берется не столько от еды, сколько от его близости природе. Видно, запахи земли и солнечные лучи питали его могучее тело не хуже, чем обычная пища. Иного объяснения невозможно было найти.

Как бы там ни было, но Голем продолжал блаженствовать на лавочке перед домом, а Перл продолжала с утра до ночи крутиться, как заводная. Попробуй-ка управься — накормить такую семью, да еще этот Йосеф! — убрать, постирать, сбегать на рынок, натаскать воды, растопить плиту, вымыть посуду, выкупать ребятишек, починить одежду, испечь халы к субботе... Что там говорить!.. А этот лентяй, этот бездельник все сидит и сидит, как будто нарочно взялся дразнить ее. Перл смотрела, смотрела и наконец однажды не выдержала.

Дело было перед праздником Песах. В эти дни у Перл всегда было особенно много работы. Все перемыть, перечистить, перетереть — ведь в доме не должно остаться даже крошки квасного, — проверить, перестирать, перетряхнуть, перекупать и нарядить детишек, да еще приготовить кушанья для праздничной трапезы человек на двадцать, а то и тридцать, поскольку раби Лёв имеет обыкновение приглашать к ужину учеников, бедняков, а то и просто случайных прохожих. Впрочем, Перл и сама любила, чтобы в праздник Песах за столом собиралось побольше народу. Но каково все это закупить, пригасить и приготовить!

И вот Перл скребла, терла, мыла и чистила до тех пор, пока у нее не скрутило спину. С трудом разогнувшись, она выползла на порог и увидела Голема. Тот сидел в своей обычной позе и грелся под лучами нежного весеннего солнышка.

— Так, — сказала Перл, — хватит тебе дремать и отдыхать. Я сейчас пойду на рынок, а ты тем временем натаскаешь в дом воды, понял?

И она ушла, оставив Голема в некотором недоумении. С одной стороны, раби Лёв велел ему исполнять все свои приказания, но, с другой стороны, он не запретил ему исполнять иные приказания. И если даже предположить, что приказания чужих людей исполнять не следует, то Перл в этом доме не чужая, более того, она жена раби, что называется, его половина, и если он, Йосеф, обязан исполнять приказания одной половины, то, видимо, это правило распространяется также и на вторую. Итак, пораскинув теми мозгами, что у него имелись, Голем принялся за работу.

Когда Перл вернулась с рынка, она увидела такую картину: возле ее дома собралась толпа народу и все дружно кричали:

— Потоп! Потоп!

И действительно, из-под двери широким ручьем текла

вода. Сбегая каскадом по ступеням, она разделялась дальше на два потока, один из которых устремлялся к реке, а другой продолжал течь по улице по направлению к синагоге. Перл выронила из рук и корзину, и кошелку и сама еле устояла на ногах. На ее счастье, в это время в конце улицы показался раби Лёв. Он сразу понял, что произошло.

— Так-так... — сказал раби. — Господь наслал на землю потоп за грехи человеческие. А этот потоп наслала на нас моя глупая жена, не пожелавшая прислушаться к моим словам. От всей души надеюсь, что мои книги, по крайней мере, не пострадали.

Раби протиснулся сквозь толпу, распахнул дверь своего дома и увидел Голема, поспешающего с двумя пустыми ведрами к колодцу во дворе. Мигом набрав в оба ведра воды, старательный работник бегом вернулся в дом, выплеснул всю воду на пол и тут же опрометью кинулся обратно к колодцу.

— Остановись! — приказал раби. — Больше воды не требуется.

Голем тут же повиновался, как ни в чем не бывало, поставил ведра на лавку и не спеша вернулся на свое место на солишке. С этих пор Перл не пыталась давать ему поручения.

— Как священные сосуды нельзя употреблять для обыденных нужд, — сказал раби, — так и Йосефа нельзя превращать в простого работника. Он создан с особой целью и должен соответствовать своему призванию.

Перл вынуждена была согласиться. Если эта дурья башка не понимает, что значит "натаскать в дом воды", то уж, конечно, лучше его не трогать.

Но с течением времени история с водой стала казаться Перл уже не такой ужасной, а тут как раз раби Лёв нашел жениха для сиротки Мирьям. Собрали приданое и назначили день свадьбы. И снова на бедную Перл свалилось столько дел и забот, что она совсем потеряла голову. А Голем по-прежнему сидел на лавочке.

— Уж если это не святое дело — выдать сироту за хорошего человека, — сказала Перл, — то я вообще ничего не понимаю в жизни. А ну-ка, священный сосуд, подымайся и принимайся за работу. Прежде всего сходишь в деревню к рыбакам и купишь хорошего свежего карпа. Вот тебе деньги, а вот кошелка. Принесешь рыбу домой и отдашь мне прямо в руки, понятно? А потом пойдешь на рынок и купишь яблок, ясно?

Голем кивнул и отправился в деревню к рыбакам, где ему предложили замечательного, огромного, только что пойманного карпа. Голем купил его, уплатил, сколько сказали, сунул рыбу в кошелку и двинулся в обратный путь. Но карп не желал смиренно сидеть в кошелке, он бился, бился, подпрыгивал и выскальзывал наружу. Голем ловил его, запикивал поглубже, но через минуту все повторялось снова. Тогда Голем вытащил беспокойную рыбу из кошелки и сунул себе за пазуху. Уж отсюда-то ей было не выскользнуть. Но карп и тут продолжал биться и крутиться. И в тот момент, когда он хлестнул Голема хвостом по лицу, бедняга не выдержал. Ни один пражский хулиган не позволял себе по отношению к нему подобных выходок. Голем извлек наглеца из-за пазухи, треснул разок кулаком по башке и с размаху швырнул в реку. Затем он вернулся с пустой кошелкой домой и знаками объяснил Перл, как было дело и почему он не сумел исполнить ее приказания.

— Ничего себе богатырь, ничего себе силач! — сказала расстроенная Перл. — Как же я справляюсь со всеми этими делами?

Этого Голем не знал. Даже если бы он не был немым, он вряд ли сумел бы ответить на этот вопрос. Перл забрала у Голема кошелку и сама отправилась к рыбакам.

А Голем? Голем пошел на рынок. Ведь если первая часть поручения оказалась ему не по плечу, это еще не означало, что следует отказаться от выполнения второй. Он отыскал ларек, в котором продавались яблоки, и выложил денежки. Но поскольку денег после покупки злополучного карпа

осталось не так уж много, яблок он получил самую малость. И это ему не понравилось. Он принялся знаками объяснять торговке, что она должна дать ему еще.

— Ишь чего выдумал! — возмутилась торговка. — Хочет, чтобы за его гроши я ему отдала весь ларек!

Немного поразмыслив, Голем решил, что женщина права. Это именно то, чего он хочет. Он поднял ларек вместе со всеми яблоками и торговкой впридачу на плечо и двинулся домой. И сколько бедная женщина ни кричала, ни плакала и ни просила опустить ее на землю, Голем продолжал шагать со спокойным и невозмутимым видом. Подойдя к дому раби Лёва, он остановился в некотором раздумье. Дело в том, что ларек не пролазил в двери.

— Надеюсь, — сказал раби Лёв жене, — что уж теперь-то ты не станешь поручать Йосефу никакой домашней работы.

— Чтоб он провалился, твой Йосеф! — проговорила Перл в сердцах.

Успокоить визжащую торговку оказалось не так-то просто. Раби Лёв и Перл долго слушали ее вопли и причитания, пока не догадались наконец пригласить ее на свадьбу Мирьям. Это несколько смягчило пострадавшую, и она почти утихла. Правда, прежде чем уйти, она взяла с раби слово, что ларек будет водворен на место.

Разумеется, после этого случая никто уже больше не пытался нарушать блаженного покоя Голема и поручать ему какие бы то ни было дела. Целый год, если не больше, просидел тот на солнышке без всяких мыслей и занятий, пока однажды Хая, младшая дочка раби, не пришла к отцу и не попросила:

— Папа, сделай мне маленького Голема.

— Зачем тебе маленький Голем? — спросил раби Лёв, несколько растерявшись.

— Чтобы делал все, что я захочу, — ответила девочка.

— Но почему ты думаешь, что я могу сделать Голема? — поинтересовался раби.

— А как же! — сказала Хая. — Ты ведь сделал нашего Йосефа.

”Вот так история! — подумал раби. — Я был уверен, что во всей Праге об этом знают только три человека — я сам, Яков бен Хаим-Сасон и Исаак бен Шимшон. Но если тайна Голема стала известной даже такой маленькой девочке, как Хая, то что же говорить обо всех остальных!.. Это никуда не годится!”

Раби Лёв провел ночь без сна, а под утро решил, что вернет Голема туда, откуда он был взят. ”Пока не случилось какого-нибудь несчастья”, — сказал себе раби.

Повидавшись с Яковом и Исааком, раби обсудил с ними план действий.

— Видите, — сказал раби, — наши враги оставили свои козни и больше не досаждают нам ни словом, ни делом. Император благоволит к нам, и мы уже не нуждаемся ни в какой защите. Я думаю, было бы неразумно и даже опасно удерживать Голема в Праге или вообще в Богемии.

— Куда же мы его денем? — спросил Яков.

— Обратим его в прах, из которого он был создан, — сказал раби.

— Пусть будет так, — сказали Яков и Исаак.

И вот в ночь на второе адара раби Лёв поднялся на чердак Старо-Новой синагоги в сопровождении Голема. Яков и Исаак уже поджидали их. Раби Лёв достал из ларя, что стоял у стены, четыре свечи и зажег их. Все трое прочитали псалом, а затем раби Лёв сказал Голему:

— Ложись и усни.

Голем повиновался, улегся на пол и тотчас крепко уснул. Раби Лев приблизился к нему и вытащил у него изо рта кусочек пергамента с начертанным на нем Именем Бога.

— Я — воздух, — сказал затем раби.

Повторяя священную формулу, он обошел вокруг Голема раз, и другой, и третий. После того, как он закончил первый круг, на чердаке потянуло ветерком. После второго круга ветер окреп и затушил одну свечу,

после третьего это был уж не востер, а настоящий вихрь. Все свечи потухли, и мгла окутала чердак. Раби Лёв продолжал ходить по кругу. После того, как он закончил седьмой круг, ветер вдруг утих.

— Теперь твоя очередь, Яаков, — сказал раби. — Ты — вода. Сделай семь кругов справа налево. — И он шепнул Яакову на ухо свящеиную формулу.

Яаков двинулся вокруг Голема. После первого круга за окошком упала капля дождя, после второго дождь зашуршал по крыше, после третьего хлынул настоящий ливень. Яаков продолжал ходить и бормотать священные слова. Как только он завершил все семь кругов, ливень утих и прекратился.

— Теперь твой черед, Исаак, — сказал раби Лёв. — Ты — огонь. Сделай семь кругов слева направо. — И он шепнул ему на ухо священную формулу.

Как только Исаак сделал первый круг, за окном полыхнула зарница. После второго круга сверкнула молния, после третьего огненный смерч прорезал небо. Удары грома заглушали голос Исаака, но тот продолжал ходить вокруг Голема. Когда он завершил все семь кругов, гроза и буря утихли.

Раби Лёв вновь зажг потухшие свечи, и трое мужчин увидели, что Голем исчез, а посреди чердака возвышается куча красной земли. Воздух, вода и огонь покинули глиняное тело Голема, и он опять стал тем, чем был всегда — прахом.

Раби Лёв задул свечи. Трое мужчин молча покинули чердак. Раби Лёв запер за собой дверь и спрятал ключ в такое место, где его никто не мог бы ийти. С тех пор никто и никогда не подымался по лестнице, ведущей на чердак Старо-Новой синагоги, хотя сама синагога стоит в Праге и по сей день.

ДВА ЛАВОЧНИКА

ил себе в одном городе молодой еврей по имени Пинхас. Была у него жена и двое деток — мальчик и девочка, а еще была лавка, которую он получил от отца в наследство. Жил Пинхас не богато, но и не бедно, торговал в лавке разным товаром и благодарил Бога за все, что имел. Но на его беду в том же доме помещалась еще одна лавка, принадлежавшая другому еврею. И вот принялся сосед уговаривать Пинхаса: подумай, что нам проку с наших лавчонок? Ни товар разложить толком негде, ни самим повернуться. Один покупатель зайдет, так для другого не осталось места. Давай сделаемся компаньонами, прорубим стену между нашими лавками и устроим настоящий магазин — просторный, красивый и светлый. Поверь мне, в таком магазине от покупателей отбою не будет, и потекут к нам деньги рекой.

”Может, он и прав,” — подумал Пинхас и согласился прорубить стену. Стали они торговать вместе — не то чтобы слишком прибыльно, но ничего, жить можно. Только в один прекрасный день обокрал компаньон

Пинхаса, вывез из лавки весь товар и унес все деньги. Оставил голые стены, да и те грязные да ободранные.

Услышали про такое дело соседи и родные Пинхаса и стали уговаривать его, чтобы подал жалобу в суд и требовал поимки и наказания мошенника. Только Пинхас не стал подавать жалобы. "Если затею суд, — подумал он, — придется платить и стряпчим, и писцам, и помощникам стряпчих. А откуда я возьму деньги? Уж пусть нас Бог рассудит." На том и порешил.

Надо, однако, дальше жить, кормить жену и детей и самому питаться. Повздыхал Пинхас, повздыхал и сдал пустую лавку какому-то торговцу — с условием, что тот будет каждый месяц платить его жеие по тридцать грошей.

— А мне, — сказал жене, — ничего другого не остается, как попытать счастья в чужих краях. Если повезет и удастся заработать и отложить немного денег, вернусь и начну торговлю с начала.

Собрала ему жена на дорогу провизии, поцеловал он ее и деточек и пошел, куда глаза глядят.

Шел неделю, и месяц, и другой, брался за любую работу, какая ни подвернется, но с трудом зарабатывал себе на хлеб и на ночлег. А о том, чтобы что-нибудь отложить, и речи не было. Не хотелось ему возвращаться домой с пустыми руками, но и скитаться по дорогам тоже надоело.

И вот пришел он как-то в небольшое местечко и остановился на ночь у еврея-молочника. Накормила его жена молочника и кашей, и сметаной, и сладкими ватрушками, и даже одно вареное яичко дала. Очеиь понравилось Пинхасу такое угощение. С тех пор, как ушел он из дому, не довелось ему ни разу так вкусно поесть. Вот и решил он попроситься к молочнику в работники.

— Ну что ж, — сказал молочник. — Работы у меня и вправду много, а сыновей нету, одни дочки. Оставайся, посмотрим, на что ты годен.

Остался Пинхас у молочника и очень старался во всем ему угодить: бывало, встанет до света, скотине корм приготовит, воды натаскает, коровник вычистит, дров

нарубит, лошадь запряжет. Что ни скажут, все сделает быстро и проворно. И откуда только умение бралось.

Не мог молочник нарадоваться такому работнику. Тем более, что тот ни разу ни заикнулся о плате.

Каждый день поутру дочери молочника доили коров, и это молоко хозяин отвозил в город на продажу. А то молоко, что надаивали в полдень или вечером, по заведенному обычаю, сливали в большой чан и делали из него то масло, то сметану, то сыры — смотря по надобности. От хорошего ухода коровы и доиться стали лучше. А сбивать масло и отжимать сыры было обязанностью Пинхаса. И так как на все дела дня ему частенько не хватало, то случалось порой оставаться работать и за полночь.

Вот однажды принялся Пинхас отжимать сыры, да, видно, уснул ненароком возле пресса. Открывает утром глаза — что такое? С вечера был чан полон молока, а теперь ни капли не осталось. Кто его мог выпить? Удивился Пинхас, однако же ничего никому не сказал. Но и на другую иочь повторилась та же история — с вечера чан был полон молока, а утром оказался пустым. На третью ночь решил Пинхас не спать и выследить вора.

Хоть и напала на него страшная усталость, но он не прилег и не присел даже. Все ходил возле чана, да поглядывал по сторонам. И в самую полночь видит вдруг — озарилось все вокруг бирюзовым сиянием, и громадная птица спускается с неба. Покружила птица над усадьбой молочника, подхватила клювом чан с молоком и унесла неведомо куда. Поразился Пинхас, можно сказать, остолбенел на месте — неужто бывают такие чудеса? Под утро вернулась птица, опустила пустой чан на землю и взмыла опять в небеса.

Весь день размышлял Пинхас и прикидывал — как ему поступить и что предпринять? Под вечер составил план действий и стал дожидаться, пока хозяева улягутся спать. Вылил из чана большую часть молока, оставил ровно столько, чтобы самому в чан залезть и в молоке

спрятаться. Сидит в молоке, дрожит — от холода и от страха, и ждет появления птицы.

В полночь озарилось небо бюрюзовым сиянием, явилась птица, подхватила чан с Пинхасом в клюв и понесла над долинами и над реками. Сидит Пинхас в чане ни жив, ни мертв, но помалкивает.

И вот принесла его птица на вершину крутой горы. Выбрался Пинхас из чана и видит — вся земля вокруг усеяна золотыми самородками. Кинулся Пинхас собирать золото — набил все карманы и даже за пазуху несколько кусков засунул.

А птица тем временем напоила молоком своих птенцов и собралась нести чан обратно к дому молочника. Прыгнул Пинхас в чан и благополучно прибыл на место.

Утром взглянул он на свое богатство и возблагодарил Бога за его чудеса и за его милосердие. Стал прощаться с молочником и с его семейством.

— Пора, — говорит, — собираться мне в обратную дорогу. Жена у меня дома и деточки, как они там без меня?

— Погоди, — говорит молочник, — не могу я отпустить тебя, не уплатив тебе за труды. Целый год ты у меня проработал, причитается тебе с меня двенадцать рублей и новая рубаха.

— Не надо мне никакой платы, — отвечает Пинхас. — Оставь эти двенадцать рублей своим дочкам на приданое. Вот если жена твоя напечет мне в дорогу сладких ватрушек, то скажу ей спасибо.

Подивился хозяин бескорыстию работника и возблагодарил Бога, который послал ему такого ангела. Напекла хозяйка Пинхасу в дорогу целый мешок ватрушек и еще сыру положила, и маслица, и яичек. Распрощался Пинхас со всеми, пожелал им всяческой удачи и всяческого счастья в жизни и ушел.

А у самого карманы набиты золотом.

Прибыл он в свой город, расцеловал жеиу и ребятишек, купил себе новый хороший дом и зажил счастливо.

Но не прошло и месяца, как является к нему вдруг

бывший его компаньон — тот самый, который обманул и обокрал его.

— Вижу я, — говорит компаньон, — что ты живешь припеваючи, ни в чем никакого недостатка не знаешь. Но если доходы твои происходят от сдачи в наем помещения магазина, то не забудь, что магазин-то этот наш общий и, стало быть, половина всех денег причитается мне.

— Нет, — отвечает Пинхас, — доходы мои происходят не от сдачи в наем магазина. Бог помог мне разбогатеть. А как — могу рассказать.

И поведал ему все свои приключения, ничего не утаив.

— Неужто ты считаешь меня таким сумасшедшим, — говорит компаньон, — чтобы я поверил в историю с птицей и золотыми самородками?

— Это, — говорил Пинхас, — твое дело — верить или не верить. А что от сдачи магазина моя жена получала по тридцать грошей в месяц, тебе могут подтвердить.

— Если история с птицей — правда, — говорит компаньон, — то дай мне адрес того молочника.

Дал ему Пинхас адрес и еще приложил от себя записочку — дескать, человек этот — мой сосед и компаньон и хочет поработать у тебя, как я работал.

Взял компаньон записку и тотчас снарядился в путь. Прибыл в усадьбу молочника и ианялся в работники. Но никакой работой утруждать себя не стал, а в первую же ночь забрался в чан с молоком и стал ждать появления чудесной птицы. И действительно, ровно в полночь озарилось небо дивным сиянием, и явилась птица. Подхватила чан и взвилась в поднебесье. Еле удержался сосед Пинхаса, чтобы не заорать от страха.

Прибыли они благополучно на вершину горы, выбрался сосед из чана и увидел, что не обманул его Пинхас — вся земля вокруг, куда ни глянь, усеяна золотыми самородками. Кинулся подбирать их, и напала на него такая великая жадность, что набил он чан золотом почти до самого верха. С трудом кое-как втиснулся сам, втянул голову в плечи и ждет, чтобы птица отнесла его обратно в долину.

Подхватила птица чай с золотом, но не смогла удержать — слишком он был тяжел. Грохнулся чай оземь и покатился по склону горы. Тут и пришел соседу Пинхаса конец. Говорят, что тело его после нашли в ущелье. Но поскольку молочник ничего про это не знал, он написал Пинхасу следующее письмо:

”Сосед твой, которого прислал ты ко мне с запиской, оказался жулик и обманщик. Нанялся ко мне в работники, но делать ничего не стал, а украл чан с молоком и скрылся, неизвестно куда”.

ЯКОВ И РЫБАК

ил однажды в городе Танжере богатый купец. Всего было у него вдоволь — и денег, и всякого добра. Корабли его бороздили моря, и караваны верблюдов доставляли ему товары со всего света. И был у него единственый сын. Звали юношу Яков.

Пока отец плавал со своими кораблями по морям-океанам и пересекал пустыни с караванами верблюдов, Яков сидел себе дома в Танжере и учил Тору. Многие приятели говорили ему:

— Не надоело тебе корпеть над книгами и вникать в их премудрость? Не лучше ли путешествовать по разным городам и странам, как это делают купцы?

— Ах, — вздыхал то один, то другой товарищ Якова, — если бы у меня был такой богатый отец, как у тебя, я бы попросил его дать мне корабль и поплыл бы себе за сие море. Разве тебе не интересно поглядеть, что делается на свете, как люди живут в других землях и как устроены другие государства?

— Интересно, — отвечал Яков, но продолжал учиться.

И вот наконец исполнилось ему восемнадцать лет, и

решился он оставить ешиву и родной Танжер. Пришел он к отцу, поклонился ему и сказал:

— Много лет я учил Тору, а теперь хочу поучиться житейской мудрости. Хочу своими глазами увидеть, как устроен Божий мир. Прошу тебя, дай мне корабль и немного денег, поплыву я в заморские страины и попытаю счастья в торговле.

— Ну что ж, — сказал отец, — ты уже не ребенок. Хватит тебе сидеть под маминым крылышком. Поезжай, сынок, погляди на большой мир, испытай свои силы и умение.

И дал отец Якову корабль с матросами и со всем снаряжением, а кроме того сотню золотых монет — чтобы было с чем начинать торговлю.

Поплыл Яков по морю-океану, и, долго ли, коротко, пристал корабль к берегу, на котором стоит Стамбул, столица Турецкого государства. Сошел Яков на пристань и решил пройтись по городу. Только поднялся по одной из улиц, увидел похоронную процессию.

— Кого это хоронят? — спросил он.

Ответили ему, что хоронят старика-еврея, человека достойного и уважаемого.

— Пойду и я со всеми, — решил Яков, — хоть и не довелось мне знать покойного, но если и вправду он был хороший человек, провожу его в последний путь и помолюсь за его душу”.

Достигла процессия кладбища и вдруг остановилась. Что такое? Стоят в воротах четверо молодцов и говорят, что не позволят предать тело земле до тех пор, покуда вдова покойного не отдаст им долг. Дескать, взял старик еще у их отца, когда тот был жив, двадцать пять золотых монет, обещал вернуть, да так и не вернул. И поскольку они опасаются, что после уже не удастся никоим образом взыскать причитающейся им суммы, то требуют расчета тут же на месте. Вдова принялась плакать и уверять, что нет у нее таких денег и никогда в жизни не было, все провожающие смутились, расстроились, не знают, что

предпринять. Пытались уговорить молодых людей не срамить себя и покойного — дайте похоронить человека, как положено, а после уж разбирайтесь с долгами. Но те стоят на своем — отдайте деньги, не то не позволим хоронить.

— Не брал мой муж никаких денег! — плачет вдова. — Если бы брал, я бы об этом знала.

— Твой муж жулик и обманщик! — отвечают молодцы. — Где это видано и где это слыхаю — взял двадцать пять золотых монет и не вернул!

Не смог Яков дальше слушать такие слова. Мыслимо ли — чтобы так позорили покойного? Ведь тот не может встать и защитить свое доброе имя! Выступил Яков вперед и сказал:

— Если все дело в двадцати пяти монетах, так я готов отдать их в счет того долга. Деньги мои как раз при мне. — Вытащил кошелек и отсыпал нахалам двадцать пять золотых монет. — Был долг, — говорит, — или не был, но теперь вы все получили сполия и можете удалиться.

Молодцы забрали деньги и отступили от ворот. А Яков вместе с другими евреями проводил старика в последний путь и помолился за его душу.

И случилось так, что в тот же день зашел Яков в одну из синагог Стамбула и услышал, что там собирают деньги на пострадавших от пожара. Снова достал он свой кошелек и отсыпал еще двадцать пять монет. Тут все принялись хвалить его за щедрость и за доброе сердце и расспрашивать, кто он такой и откуда прибыл. Объяснил он, что приплыл на корабле из города Танжера и собирается закупить в Стамбуле кой-какого товара. И опять похвалили его собравшиеся — совсем еще юноша, а уже смыслит в делах. Тут набрался Яков смелости и спросил, не согласится ли кто-нибудь пустить его к себе в дом на ночлег. Дескать, не хочется ему останавливаться на постоялом дворе, и если кто-нибудь из евреев будет столь любезен, что предоставит ему комнату на несколько дней, то он постарается того человека отблагодарить, чем

сможет. Чуть ли не все собравшиеся в синагоге наперебой принялись приглашать к себе столь приятного юношу, но Яков пошел за тем евреем, что показался ему одетым беднее других.

Привел еврей Якова к себе в дом, накормил ужином и предоставил ему комнату, хоть и небольшую, но чистую и уютную. После многих ночей, проведенных на корабле, постель показалась Якову райским ложем, и он проспал всю ночь до утра, как младенец. Но утром разбудил его громкий голос за стеной.

— Если сегодня же не принесешь двадцати пяти монет, которые ты обещал дать за своей дочкой в приданое, — гремел голос, — не бывать никакой свадьбе. Я не позволю себя надуть и провести!

— Умоляю тебя, не кричи! — отвечал голос хозяина. — Ты ведь знаешь, у меня в доме гость, и я не хочу, чтобы он услышал о моих горестях. Это правда, что дела мои в последнее время идут неважно, но я не собираюсь отступать от своего обещания. Прошу тебя, не устраивай скандала, не позорь меня и моей дочери, сыграем свадьбу, как уговорено, а деньги я отдам при первой же возможности.

— Не бывать этому! — прервал его отец жениха. — Или ты выкладываешь деньги сегодня же, или можешь искать для своей дочки другого парня!

Поднялся Яков с постели, оделся и, дождавшись, пока посетитель удалится, вышел к хозяину.

— Не сердись на меня, — сказал, — но я невольно подслушал ваш разговор. Сделай милость, прими от меня эти деньги. Неужели из-за двадцати пяти золотых монет расстроится свадьба твоей дочери?

Поблагодарил его хозяин за доброту, но объяснил, что не решается взять у него деньги.

— Ты ведь не здешний, — сказал, — как же я смогу отдать их тебе?

— Случится, наверно, мне и еще бывать в Стамбуле, — успокоил его Яков, — тогда и отдашь.

И счастливый от того, что уладил и это дело, отправился на рынок — взглянуть, какими товарами богат Стамбул. Не успел пройти и двух рядов, вдруг видит — два разбойника продают трех девушек, вернее, двух девушек и одну девчущку малейкую. Девушки стоят бледные и несчастные, а младшая и вовсе слезами заливаается. Испугался Яков и страшно опечалился — что же это такое? Живых людей продают, как товар какой-то, как скотину бессловесную. Выступил он вперед и спросил у разбойников, сколько те хотят за девушек.

— Старшие по десяти золотых монет, — отвечают продавцы, — а меньшую, так и быть, отдадим за пять. Которая тебе приглянулась?

— Возьму всех трех, — ответил Яков.

Отдал последние двадцать пять монет и забрал девушек. Старшие две рассказали, откуда они и как попали в руки к разбойникам, а меньшая от испуга и от горя онемела и не сумела сказать, ни кто она такая, ни как зовут ее отца и мать. Отправил Яков двух старших с купцами обратно к их родителям, а меньшую привел к себе на корабль.

Вернулся в Танжер, поклонился отцу с матерью и говорит:

— Не сердитесь на меня. Не привез я из плавания ни денег, ни товаров, зато привез вам дочку — чтобы была вам на старости лет радостью и утешением. — И рассказал обо всем, что приключилось с ним в Стамбуле.

— Поступки твои прекрасны и достойны всяческой похвалы, — сказал ему отец, выслушав его приключения, — только в следующее плаванье ты отправишься вместе со мной.

И так и повелось с тех пор, что Яков повсюду сопровождал отца. Изъездили они множество стран и повидали много чудес. И во всех делах была им удача. Год от года богатство их росло, и всякий купец почитал за честь вести с ними дела.

Прошло лет пять, а может, и десять. Вернулся однажды

Яков с отцом из дальнего плаванья и увидел, что девчушка, которую спас он в Стамбуле из рук разбойников, выросла, расцвела и превратилась в прекрасную девушку. Не смог Яков заснуть в ту ночь, хоть и устал в дороге. Увидела утром мать, что сын бледен и взволиовал, и принялась расспрашивать, что за кручина его точит, что за печаль изводит. Но он ничего не сказал. И на следующий день был он задумчив и молчалив. И опять пыталась мать выведать причину его тоски, но опять он ни в чем не признался. А на третий день открылся Яков матери и сказал, что поражен красотой девушки и не может жить без нее.

— Что за беда! — сказала мать. — Спросим девушку, и, если она не против стать твоей женой, позовем раввина и сыграем свадьбу.

И так все и было: женился Яков на девушке, и зажили они в любви и согласии. Только через некоторое время начал Яков замечать, что молодая жена часто сидит у окошка печальная и задумчивая.

— Откройся, моя радость, скажи, — обратился он к ней, — что тебя мучает, что терзает? Или ты не счастлива со мной?

— Счастлива, — сказала та. — Люблю я тебя больше жизни. Но печалют меня думы о моих отце и матери. Ведь они ничего обо мне не знают и наверно оплакивают меня, как мертвую. Как бы мне хотелось повидать их и прижать к сердцу.

— Если бы только ты могла вспомнить название места, — сказал Яков, -- я бы тотчас отвез тебя туда.

— Нет, ни названий, ни имен не помню, — вздохнула жена. — Помню только, что жили мы на берегу моря и что отец мой ловил рыбу. Помню, поехали мы однажды в город на рынок, и там-то меня и похитили разбойники. Если бы только одним глазочком увидеть мне родную деревню и моих милых родителей!..

— Что ж, — сказал Яков, — не могу я смотреть, как ты печалишься. Сядем с тобой на корабль и проедем вдоль берега моря. Может, посчастливится нам найти твоих

родных. — И тотчас велел снаряжать корабль.

Сел с молодой женой на корабль и поплыл не спеша вдоль берега. Много встретилось им по пути и больших городов, и малых селений, и рыбацких деревушек, но ни одна из них не показалась жене Якова знакомой. Отчаялись они найти то, что искали, и решили уже поворачивать к дому, как вдруг налетела буря и потопила корабль вместе со всеми матросами. А Яков с женой ухватились за обломок мачты и тем спаслись от смерти. Плавали они по морю три дня, а на четвертый поняли, что силы оставляют их и придется им скоро распрощаться с жизнью. И тут вдруг показалась в волнах рыбацья лодка. Подплыл рыбак поближе и вытащил обоих из воды. Доставил рыбак Якова с женой к берегу. Взглянула женщина на берег и заплакала от радости: узнала родные места. Выбежали жители деревни на берег, и нашла жена Якова среди них отца и мать. Не поверили они поначалу своим глазам, а потом принялись обнимать и целовать свою дорогую дочку и любезного зятя.

Целую неделю прожили молодые у отца с матерью и пожили бы еще, да рыбак стал торопить их:

— Если хотите, чтобы я отвез вас в Стамбул, садитесь теперь же в лодку.

— Разве рыбацья лодка может доплыть до Стамбула? — удивился Яков.

— Положись на меня, — сказал рыбак.

Распростились молодые с отцом и матерью и обещали приехать в другой раз на большом корабле с дорогими подарками. Сели в лодку и поплыли. Не прошло и часа, как показался на горизонте город Стамбул. Понял тут Яков, что лодка эта не простая и хозяин ее не обычный рыбак.

— Кто ты такой и зачем едешь в Стамбул? — спрашивает.

— погоди еще минуту и узнаешь, — отвечает рыбак.

И тут причаливают они к пристани.

— Не рыбак я, — говорит рыбак. — Я тот еврей, которого позорили злые люди и не давали похоронить

согласно закону и обычаю. Но ты сжалился надо мной и спас меня от поругания. Потому и я решил отплатить тебе добром за добро. Когда увидел я, что вы с женой терпите бедствие, стал я просить Господа, чтобы позволил мне вернуться на землю и спасти тебя. И Господь отпустил меня провести на земле неделю времени. Рад я, что сумел вернуть свой долг. А теперь должен я отправляться обратно в царство мертвых.

Сказал так и исчез. Растаял, как облачко на рассвете.

Стали Яков с женой думать, что им дальше делать, как вернуться домой.

— Пойдем в синагогу, — говорит Яков, — может, найдем там кого-нибудь из земляков. А не найдем, так попросим у здешних евреев немного денег на дорогу.

Направились они к синагоге, но не успели пройти и двадцати шагов, как повстречали того еврея, которому Яков помог когда-то выдать дочку замуж.

— Много лет жду я твоего возвращения, — сказал еврей радостно. — Помнишь, дал ты мне двадцать пять золотых монет дочке на приданое? Как видно, твои деньги принесли мне счастье: с того дня поправились мои дела, и зажил я в достатке и покое. Но только все эти годы мучала меня мысль, что не могу я вернуть долга.

С этими словами вручил еврей Якову двадцать пять золотых монет и пожелал ему всяческой удачи. Взял Яков деньги, нанял на них корабль и вернулся к себе в Танжер.

И жил там долго и счастливо.

Составители:

*Ирена Глозман
Арье Стриковский
Ора Шир*

*Настоящее издание подготовлено издательством «Рассвет»
при Еврейском историческом обществе г. Москвы*

Подписано в печать 17.05.91 г. Формат 70 x 100
1/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Усл.
печ. л. — 7,74. Уч. изд. л. — 4,48. Заказ № 1240. Тираж
100.000 экз. Цена 10 руб.

Ордена «Дружбы народов» издательство «Советский
писатель» Москва, 121069, ул. Воровского, 11
Типография В/О «Внешторгиздат» Госкомпечати
СССР 127576, Москва, ул. Илимская, 7

К 4702210105-656
083(02)-91 Без объявл.

ISBN 5-265-02603-7

© MEJC, New York
© Еврейское историческое общество, Москва